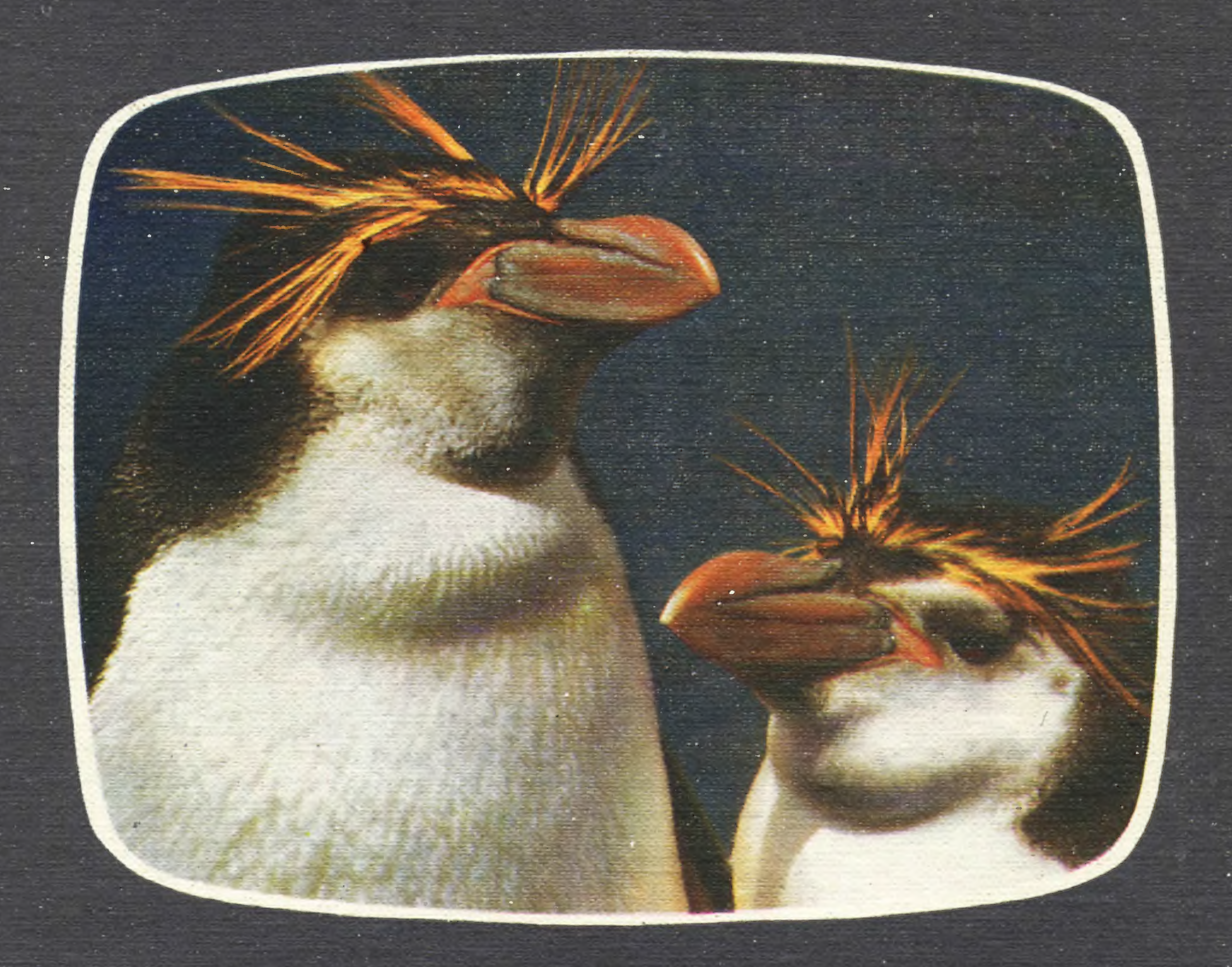
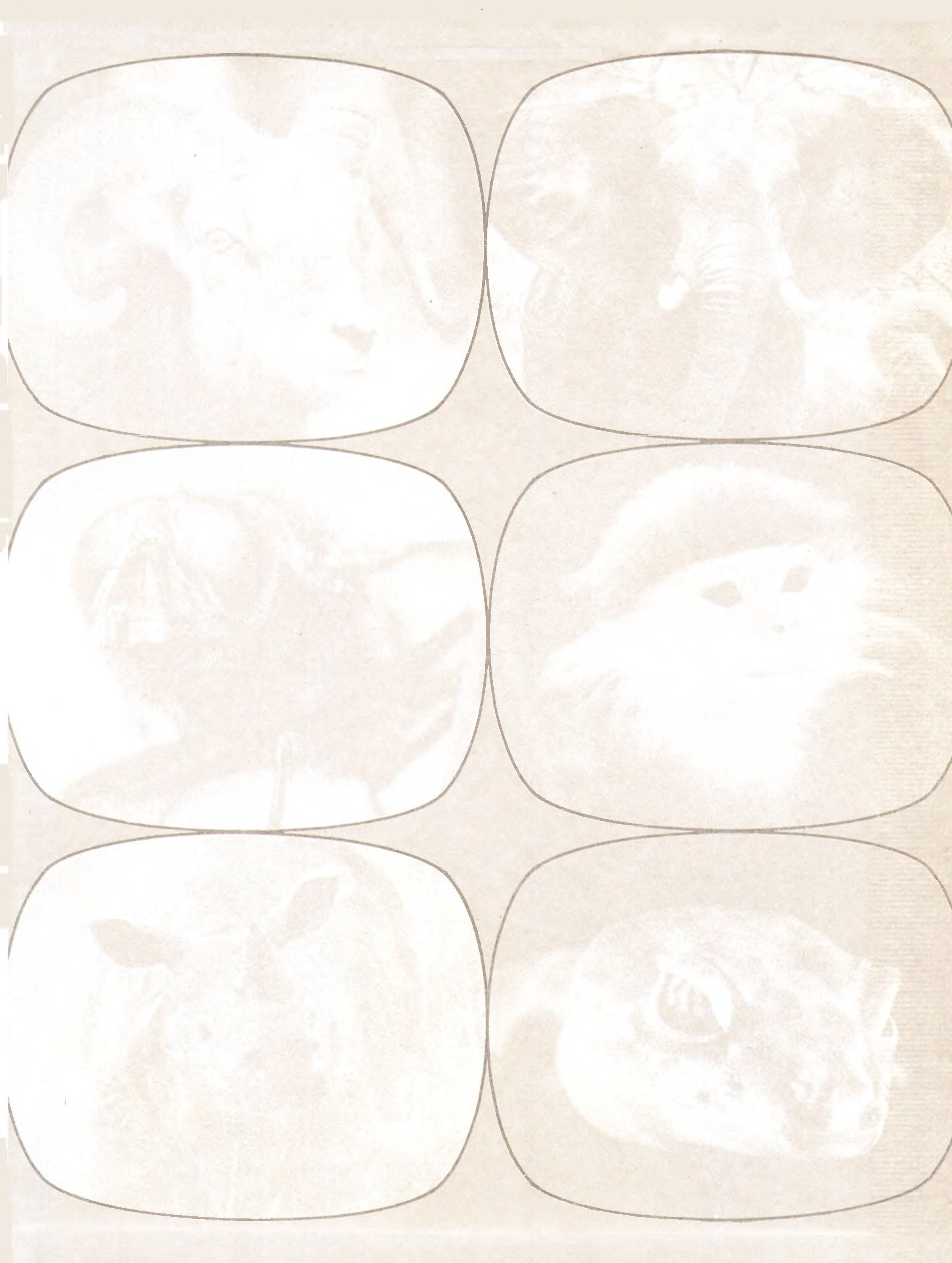
Удивительный мир диких животных

Птицы
морей, побережий и рек

Пингвины · Пеликаны · Гагары
Альбатросы · Цапли · Скопы · Утки · Лебеди
Гуси · Чайки · Кулики

Источники иллюстраций

Cover — G. Holton from Photo Researchers, Inc. 1 — G. Langsbury from Bruce Coleman, Inc. 5 — R. F. Head from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 6—7 — Steve Wilson. 9 — T. Myers from Photo Researchers, Inc. 15, 16—17 — Rougier, Time Inc. 18 — G. Holton from Photo Researchers, Inc. 19 — (left) Rougier, Time Inc., (right) W. Curtsinger from Rapho Division, Photo Researchers, Inc. 20, 21, 22 — G. Holton from Photo Researchers, Inc. 23 — W. Curtsinger from Rapho Division, Photo Researchers, Inc. 24—25 — (top) F. Erize from Bruce Coleman, Inc. 24 — (bottom) F. Erize from Bruce Coleman, Inc. 25 — (bottom) Rougier, Time Inc. 26 — (top) S. Dalton from Photo Researchers, Inc., (bottom) L. Nutting from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 27 — (left) B. Wilson from Photo Researchers, Inc., (right) G. Holton from Photo Researchers, Inc. 28—(left) D. Hill from Photo Researchers, Inc., (right) A. Rider from Photo Researchers, Inc. 29— F. Baldwin from Photo Researchers, Inc. 31 — R. Kinne from Photo Researchers, Inc. 32 — Peter Kaplan. 33 — (left and right) W. Curtsinger from Rapho Division, Photo Researchers, Inc. 34—35 — Bill Epperidge, Time Inc. 35 — N. Medina from Photo Researchers, Inc. 36 — (left) Peter Kaplan, (right) S. Botwinick from Photo Researchers, Inc. 37 — (left) Paul Chesley, (right) B. Griffiths from Photo Researchers, Inc. 38 — (left) B. Reeves from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc., (right) M. Heiberg from Photo Researchers, Inc. 39 — Jen and Des Bartlett from Bruce Coleman, Inc. 40 — (left) S. Halvorsen from Bruce Coleman, Inc. 40—41 — S. Sprunt from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 43 — K. Fink from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 44 — W. Crich from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 45 — (top) H. Cruickshank from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc., (bottom) T. Deane from Bruce Coleman, Inc. 48 — R. Petersen from Photo Researchers, Inc. 49 — (left) G. Silk, Time Inc., (right) M. Kahl from Photo Researchers, Inc. 51 — A. Bailey from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 52 — G. Holton from Photo Researchers, Inc. 53 — C. Haagner from Bruce Coleman, Inc. 54 — K. Kenyon from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 55 — C. Robertson. 58—59 — R. Kinne from Photo Researchers, Inc. 59 — B. Wilson from Photo Researchers, Inc. 61, 62—63, 63 — M. Kahl from Photo Researchers, Inc. 64 — J. Dominis, Time Inc. 64—65 — Paul Chesley. 70—71, 72—73 — G. Silk, Time Inc. 74 — M. Kahl from Photo Researchers, Inc. 75 — (top) R. Petersen from Photo Researchers, Inc. (bottom) M. Kahl from Photo Researchers, Inc. 76 — (left) K. Fink from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc., (right) S. Collins from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 77 — (top) Gail Rubin, (bottom) Peter Kaplan. 78 — (top) J. Fernandez from Bruce Coleman, Inc., (bottom) J. Van Wormer from Bruce Coleman, Inc. 79, 80—81 — M. P. Kahl from Bruce Coleman, Inc. 83 — H. Cruickshank from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 84 — (left) M. Griffith from Photo Researchers, Inc., (right) G. Silk, Time Inc. 85 — (top) M. and R. Borland from Bruce Coleman, Inc., (bottom, left and right) G. Silk, Time Inc. 86 — G. Silk, Time Inc. 87 — F. Merlet from Bruce Coleman, Inc. 89 — M. Kahl from Bruce Coleman, Inc. 90—91 — M. Warren from Photo Researchers, Inc. 91 — C. Lockwood from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 92 — (top) J. Van Wormer from Bruce Coleman, Inc., (bottom) Peter Kaplan. 93 — (left) M. Kahl from Bruce Coleman, Inc., (right) B. Griffiths from Photo Researchers, Inc. 95 — G. Smith from Photo Researchers, Inc. 96 — Ralph Graves. 97 — (top) W. Curtsinger from Rapho Division, Photo Researchers, Inc., (bottom) D. Plowden from Photo Researchers, Inc. 99 — K. Fink from Bruce Coleman, Inc. 100 — Jen and Des Bartlett from Bruce Coleman, Inc. 101 — (top) B. Norton from Photo Researchers, Inc., (bottom) M. Kahl from Bruce Coleman, Inc. 102 — (top) L. Rue from Bruce Coleman, Inc., (bottom) K. Kenyon from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 103 — (top) Jen and Des Bartlett from Bruce Coleman, Inc., (bottom) L. M. Stone from Bruce Coleman, Inc. 104 — R. Petersen from Photo Researchers, Inc. 105 — R. Pelham from Bruce Coleman, Inc. 106 — (top and bottom) J. Flannery from Bruce Coleman, Inc. 107 — W. von dem Bussche from Photo Researchers, Inc. 108, 109 — Nina Leen. 110 — (top, left) H. Cruickshank from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc., (top, right) M. Kahl from Bruce Coleman, Inc., (bottom, left) R. Kinne from Photo Researchers, Inc., (bottom, right) J. Van Wormer from Bruce Coleman, Inc. 111 — (top, left and right) K. Fink from Bruce Coleman, Inc., (center, left) J. Van Wormer from Bruce Coleman, Inc., (center, right) K. Fink from Bruce Coleman, Inc., (bottom, left) G. Langsbury from Bruce Coleman, Inc., (bottom, right) P. Scott from Photo Researchers, Inc. 112 — T. Deane from Bruce Coleman, Inc. 113 — (top) K. Fink from Bruce Coleman, Inc., (bottom) J. Simon from Photo Researchers, Inc. 115 — G. Langsbury from Bruce Coleman, Inc. 116—117 — C. Lockwood from Bruce Coleman, Inc. 117 — M. Kahl from Photo Researchers, Inc. 118 — T. Florio from National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc. 118—119 — J. Van Wormer from Bruce Coleman, Inc. 122 — F. Grehan from Photo Researchers, Inc. 123 — (top) Peter Kaplan, (bottom) D. and R. Sullivan from Bruce Coleman, Inc. 124—125 — V. Merritt, Time Inc. 128 — G. Langsbury from Bruce Coleman, Inc.

Photographs on endpapers are used courtesy of Time-Life Picture Agency and Russ Kinne and Stephen Dalton of Photo Researchers, Inc.

Film sequences on pages 8, 13 and 25 are from «Swans: The Royal Birds» and «The Private Life of the Magellan Penguin», programs in the Time-Life Television series Wild, Wild World of Animals.

Map on pages 10—11 is by Richard Edes Harrison.

Illustration on pages 10—11 is by Arthur Singer; illustration on page 12 is by Enid Kotschnig. The illustrations on pages 46—47; 66—67 and 68—69 are by John Groth. The illustration on page 57 is by Gustave Doré, used by permission of Culver Pictures Inc. On page 121, the aquatint engraving of a watercolor painting by John J. Audubon is used courtesy of the National Audubon Society Collection, Photo Researchers, Inc.

A TIME-LIFE TELEVISION BOOK

Produced in Association with Vineyard Books, Inc.

Editor: Eleanor Graves
Senior Consultant: Lucille Ogle
Text Editor: Richard Oulahan
Associate Text Editors: Bonnie Johnson, Peter Ainslie, Ivan N. Kaye
Author: Will Bradbury
Assistant Editor: Regina Grant Hersey
Advisory Editor: Bertel Bruun
Literary Research: Ellen Schachter
Text Research: Trish Kiesewetter
Copy Editors: Robert J. Myer, Greg Weed
Picture Editor: Richard O. Pollard
Picture Research: Judith Greene
Permissions: Cecilia Waters
Book Designer and Art Director: Jos. Trautwein
Production Coordinator: Jane L. Quinson

Удивительный мир диких животных

Птицы
морей, побережий и рек

Wild, Wild World of Animals

Based on the television series
Wild, Wild World of Animals

Published by

TIME-LIFE FILMS

Удивительный мир диких животных

У. Брэдбери

Птицы
морей, побережий и рек

Перевод с английского П. С. Гурова
под редакцией канд. биол. наук Л. С. Степаняна

Москва «Мир» 1983

ББК 28.693.35
Б 89
УДК 598.2

Брэдбери У.
Б89 Птицы морей, побережий и рек/ Пер. с англ. Гурова П. С.; Под ред. и с предисл. Л. С. Степаняна. — М.: Мир, 1983.—128 с., ил.

Четвертая книга из зарубежной серии «Удивительный мир диких животных» («Медведи и другие хищные звери» — 1980, «Киты и другие морские млекопитающие» — 1980, «Дикие кошки» — 1981), написанная американским ученым и писателем, рассказывает о птицах, так или иначе связанных с водной средой. Текст великолепно иллюстрирован цветными фотографиями и органично дополнен отрывками из произведений мастеров прозы.
Для широкого круга любителей живой природы.

Б 2005000000—172 / 041(01)—83 168—83, ч.1 ББК 28.693.35 596.4

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

АВТОР

УИЛЛ БРЭДБЕРИ одиннадцать лет был сотрудником журнала «Лайф» и три года возглавлял его научный отдел. В настоящее время он занимается исключительно писательским трудом и работает над своим третьим романом.

КОНСУЛЬТАНТЫ

УИЛЬЯМ КОНВЕЙ, генеральный директор Нью-Йоркского зоологического общества, — известный зоолог, проявляющий особый интерес к вопросам охраны дикой природы. Член совета многих научных обществ и организаций по охране окружающей среды, в том числе американского отделения Всемирного фонда охраны дикой природы и Орнитологической лаборатории при Корнеллском университете. Бывший президент Американской ассоциации зоопарков и аквариумов.

Д-р ДЖЕЙМС УОДДИК, куратор Нью-Йоркского зоологического общества по распространению научных знаний, — герпетолог, специализирующийся по земноводным. Печатался во многих научных журналах, был участником экспедиций в Мексику, Центральную Америку и Эквадор. Член Американского общества ихтиологов и герпетологов, действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов, член комитета этой ассоциации по распространению научных знаний.

Д-р ДОНАЛД БРУНИНГ, куратор Нью-Йоркского зоологического общества по птицам, — профессор зоологии в Фордэмском университете, автор многих статей о птицах. Был делегатом на Международном орнитологическом конгрессе и участвовал в работе конференции Международного совета по охране птиц, происходивших в Канберре (Австралия) в 1974 году. Занимался исследованием нанду в Аргентине.

ДЖОЗЕФ БЕЛЛ — заместитель директора, председатель и куратор отдела орнитологии Нью-Йоркского зоологического общества. Автор многих работ о птицах, в основном об их содержании и разведении в неволе. Совершил с научными целями несколько путешествий по Центральной и Южной Америке. Действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов, один из директоров Ассоциации по охране водоплавающих птиц.

Содержание

Предисловие редактора перевода

Успехи современной биологической науки огромны. И хотя среди ученых возникает иногда (в общем беспочвенный) спор о соотношениях уровней прогресса в физике, химии и биологии, никто не может отрицать бурного развития в последние десятилетия науки о жизни. Естественное следствие этого — широкая популяризация новых достижений. Научно-популярная литература практически по всем основным направлениям биологии сейчас столь обширна, что сама по себе может составить отдельную библиотеку. Казалось бы, в свете значительных успехов генетики, биохимии, молекулярной биологии и других современных направлений старые и особенно старейшие области науки о жизни, такие, как зоология или ботаника, должны отойти на второй план. Но этого не случилось ни в научной среде, ни среди широких читательских кругов.

Напротив, легко обнаружить невиданный рост интереса именно к зоологическим книгам, повествующим об образе жизни животных, их распространении, повадках, современном состоянии популяций. Не трудно видеть и причины этого. Природная среда нашей планеты испытывает все возрастающее давление со стороны человеческого общества. Органический ее компонент, как наиболее нежная и легко разрушаемая составная часть, подвергается особенно сильному воздействию. Это известно сейчас едва ли не каждому человеку независимо от его профессии и интересов. Тревога за судьбу биосферы Земли, за судьбу многих и многих видов животных и растений одинаково заботит прогрессивные правительства, общественность и научные круги различных стран. Об этом постоянно вещают радио, телевидение, пресса.

Все это не может не стимулировать повышенный интерес у широкой публики как к общим проблемам охраны окружающей среды, так и к конкретным объектам — животным и растениям, многие из которых сейчас без помощи человека уже не могут сохраниться и будут безвозвратно потеряны, если не принять соответствующих мер.

Есть и другие, если можно так выразиться, лично-эмоциональные мотивы популярности книг о животных. Ностальгия, тоска по природе охватывает людей тем шире и глубже, чем больше они оказываются замкнутыми в пределах, как модно теперь стало выражаться, урбанизированных комплексов. Общение с такими книгами пусть иллюзорно, но все-таки погружает человека в мир природы. И наконец, одна из самых привлекательных черт человеческого характера — любовь к животному, желание узнать о нем побольше — неистребима у многих людей.

В библиотеке научно-популярной литературы по зоологии можно найти книги, посвященные разным группам животных — насекомым, рыбам, земноводным, пресмыкающимся, млекопитающим и, конечно, птицам. Привлекательность птиц, их красота, совершенство и вместе с тем доступность для наблю-

дений общеизвестны. Чувства, связанные с птицами как с предметом увлечения, постоянных помыслов, стремлений и поисков, знакомы не только профессиональным орнитологам, но и широчайшему кругу любителей. Птиц знает каждый. И стоит человеку хотя бы чуть-чуть соприкоснуться с этими чудесными созданиями и заглянуть в тайны их жизни, как привязанность к ним вырастает в неподдельный интерес и желание как можно больше узнать о них. Надо ли удивляться, что издания соответствующего профиля, каким бы тиражом они ни выпускались, не залеживаются на прилавках.

Нет сомнения, что такая же «участь» постигнет и книгу Уилла Брэдбери «Птицы морей, побережий и рек». Она не нуждается в какой-либо рекомендации, читатель быстро оценит ее достоинства без посторонней помощи. Но некоторые пояснения к ней, на наш взгляд, будут все-таки не лишними.

Как видно из заголовка, книга посвящена птицам, жизнь которых так или иначе связана с водными бассейнами и их побережьями. Иными словами, в основу ее написания был положен экологический принцип. С водными и околоводными условиями связаны птицы многих отрядов и семейств, порой весьма далеких в родственном (эволюционном) отношении. Тем не менее это не явилось препятствием для их объединения в соответствующих очерках. В книге описаны представители отрядов пингвинов, веслоногих, гагар, трубконосых, аистообразных, дневных хищников, пластинчатоклювых, ржанкообразных, ракшеобразных, воробьинообразных.

Всех этих птиц объединяет связь с водой, но видовое разнообразие и специфика образа жизни их столь велики, что на этих контрастах автор и построил содержание книги. В кратких, лаконичных замечаниях он характеризует некоторые особенности организации, поведения, приемов добывания пищи, размножения птиц отдельных видов. Твердой схемы изложения при этом он не придерживается. В одних случаях внимание обращается на особенности строения, в других — на те или иные черты образа жизни. Такая свобода в действиях автора, нежелательная в научных сочинениях, в данном случае оказывается оправданной. Она придает тексту живость и непосредственность. При всем том изложенные факты научно достоверны. Может быть, лишь в объяснении некоторых поведенческих реакций птиц автор несколько отходит от научной строгости и допускает иногда элементы антропоморфизма. Но делается это, по-видимому, для придания тексту легкого налета юмора, что лишь еще больше оживляет его.

Несомненно, наиболее важная составная часть книги — иллюстрации. Цветные фотографии птиц в естественной обстановке составляют не только предмет эстетического восприятия — это важный источник познания животных. Никакие описания не могут дать более точного представления об их жизни, чем, например, серия фотографий пингвинов, чистиковых, фаэтонов, альбатросов или фламинго, запечатленных в различных жизненных ситуациях.

Стремление иллюстрировать книги о животных фотографиями возникло на заре появления этого способа отображения действительности. Сначала делали снимки чучел, затем животных снимали в неволе и, наконец, по мере совершенствования аппаратуры съемки стали производить на природе.

Фотографирование животных в естественных условиях — необыкновенно трудоемкое дело, требующее больших зоологических знаний, опыта, особого терпения, выдержки и, конечно, художественного вкуса. Только сочетание этих качеств с виртуозным владением техникой приводит к успеху. Снимки, которыми мы восхищаемся, нередко выбраны из большого числа менее удачных дублей, что лишний раз подтверждает сложность анималистической фотографии. В наше время это искусство достигло больших высот, и, может быть, книга Брэдбери — прекрасный образец современных возможностей съемок животных на природе — склонит некоторых читателей оставить ружье и взять в руки фотокамеру.

Поскольку мы упомянули ружье, следует отметить один печальный факт: бóльшая часть описанных и изображенных в книге птиц официально относится к охотничьим видам. Их стреляют, в частности, и для гастрономических целей. Поэтому трудно удержаться, чтобы не сделать упрека в адрес охотников. Достаточно представить себе быстро идущий процесс оскудения природы, чтобы такой утилитарный подход показался непредубежденному человеку вопиюще несправедливым, находящимся в грубом противоречии и с современным состоянием природы и с ответственностью человека за ее судьбы. Тем не менее любительская, или, как ее называют, спортивная, охота пока еще числится среди узаконенных форм отдыха и развлечений — прискорбный анахронизм. Книги, вроде предлагаемой вниманию читателя, вносят свою скромную лепту в благородное дело охраны природы в самом широком смысле слова. Может быть, их влияние — пусть небольшое — коснется и спортсменов-охотников, на законном основании истребляющих прекрасные творения природы в век неограниченных возможностей человека.

В заключение хотелось бы пожелать читателям книги «Птицы морей, побережий и рек» найти в ней еще одно окно в прекрасный и загадочный мир птиц.

Вступление

Что отличает птиц от всех других существ? Чудо полета — так, наверное, скажут многие — присущая им великолепная и завидная способность словно бы без всяких усилий отрываться от земли, проноситься над необъятными просторами суши и воды, а затем вновь опускаться на землю в местах, более удобных для жизни. Но спросите о том же орнитолога или просто любителя птиц, и они почти наверное скажут: перья — вот тот единственный признак, который присущ только птицам и никакому другому живому существу. Собственно говоря, именно перья, за миллионы лет развившиеся из чешуи пресмыкающихся под воздействием эволюционных процессов, и сделали возможным птичий полет. А затем широчайшее использование этого чуда адаптации привело некоторых птиц в мир воды — иногда далеко от суши, но чаще на побережья, озера и реки.

Каким же образом осуществился этот первый решающий этап эволюции птиц — преобразование чешуи в перо, — определивший все остальное? Хотя потребовавшееся на него время (примерно от 150 до 225 миллионов лет) почти невозможно вообразить, само это преобразование особой загадки не представляет. Началось оно, по-видимому, около 200 миллионов лет назад, в триасовом периоде, когда разные похожие на нынешних ящериц чешуйчатые животные прыгали на задних лапах и карабкались по деревьям. У этих прыгающих и лазающих существ, которые были предками динозавров и их летающих родичей птеродактилей, мало-помалу развилась длинная, неплотно прилегающая к коже чешуя. В некоторых случаях — вероятно, как следствие отбора, производимого временем и хищниками, — такая чешуя превращалась в своего рода бахрому. Выгоды подобного изменения очевидны: более длинная и легкая чешуя помогала проскальзывать между ветвями в поисках корма или спасаясь от опасности, а также способствовала лучшему регулированию температуры тела.

История происхождения птиц строилась только на догадках вплоть до того дня, когда чуть более ста лет назад (и менее чем через три года после выхода в свет «Происхождения видов» Дарвина) в слое баварского известняка, имевшего возраст около ста пятидесяти миллионов лет, человек впервые собственными глазами увидел праптицу. Она получила название «археоптерикс» (по-гречески «древнее крыло» или «древняя птица»); на ее окаменевшем отпечатке были поразительно четко видны настоящие перья. Хотя эти перья покрывали тело, вероятно, довольно-таки неуклюжего летуна величиной с ворону, они тем не менее знаменовали начало эры вольно летающих птиц. И начало новых изменений в анатомии этих первых птиц. Очень медленно и постепенно преобразовывался их скелет: отдельные группы позвонков сливались, кости становились полыми, а значит, более легкими. Там, где требовалась прочность, в костях появились хрящевые или костные перегородки, напоминающие по строению соты. Одновременно на грудине развивается киль — опора для мощных летательных мышц, а дыхательная и пищеварительная системы становятся более эффективными. Многие современные птицы «жуют» пищу с помощью мускульного желудка, преобразуя ее в энергию для полета с минимальной затратой времени. Подверглись дальнейшему развитию глаза — важнейший орган восприятия для летающих существ: они обрели удивительную зоркость, сочетающуюся с монокулярным или бинокулярным зрением, причем суммарная величина глаз нередко достигает величины всего мозга. Что касается размножения, то яйца птиц представляют собой лишь некоторое улучшение более уязвимых яиц пресмыкающихся.

К плиоценовому периоду, 12—13 миллионов лет назад, основные изменения завершились, и окаменелости трех-четырех древних видов показывают, как шла эволюция уже современных родов. В начале

Бакланы Брандта на вершине скалы в заливе Монтерей (штат Калифорния)

На этой карте показаны девять основных пролетных путей, которыми перелетные птицы пользуются во время миграций. Наверху изображены представители всех перелетных птиц, о которых идет речь в этой книге, кроме океанических, поскольку у тех настоящие сезонные миграции отсутствуют. Все рассматриваемые здесь птицы летят по одному или нескольким маршрутам, нередко отправляясь в путь по одному, а завершая его по другому. Цветные квадратики показывают, каким путем птицы пользуются, а относительная ширина маршрута — количество птиц, пролетающих по нему в каждой данной точке. Шире всего они на севере, а к югу сужаются, потому что, за исключением полярной крачки, которая пролетает свой путь из конца в конец, мало кто из птиц, рассматриваемых в этой книге, улетает южнее тропика Козерога, хотя подавляющее большинство их гнездится на севере. Например, белый гусь

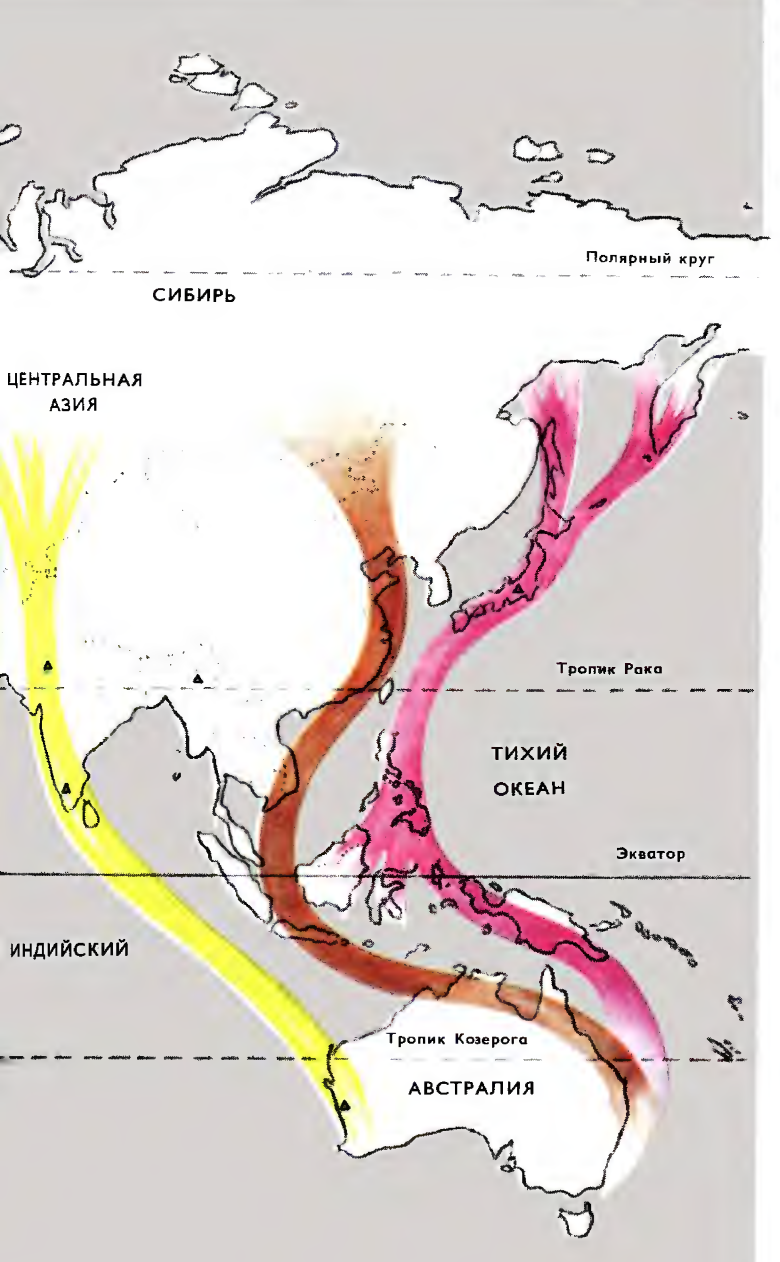
СЛЕВА НАПРАВО

- Шилохвость
- Белый гусь
- Черношейная поганка
- Полярная крачка
- Средний кроншнеп
- Белый аист

ГРЕНЛАНДИЯ
ИСЛАНДИЯ
СКАНДИНАВИЯ
Полярный круг
АЛЯСКА
КАНАДА
ЕВРОПА
СЕВЕРНАЯ АТЛАНТИКА
Тропик Рака
АФРИКА
ТИХИЙ ОКЕАН
Экватор
ЮЖНАЯ АТЛАНТИКА
Тропик Козерога

гнездится в Арктике, а зимует на северном побережье Мексиканского залива. Черные треугольники отмечают места постоянных зимовок значительного числа различных водоплавающих птиц или их дневок во время перелета

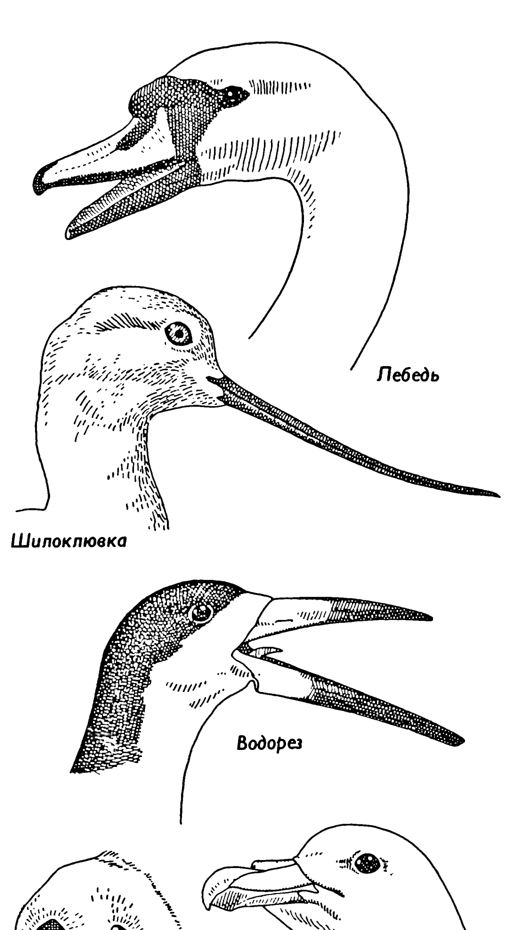

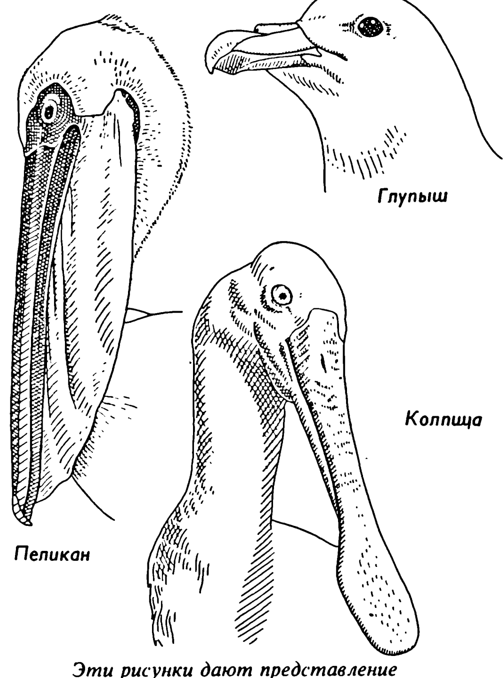

плейстоценового периода, около миллиона лет назад, птицы достигли своего расцвета: на Земле тогда существовало, вероятно, до 11 тысяч видов птиц. Позднее — возможно, не более полумиллиона лет назад, когда по северному полушарию поползли всесокрушающие ледники, — началось сокращение их числа, продолжающееся и до сих пор. Этому содействовали капризы климата, ущерб, наносимый хищниками, а также возникновение эволюционных тупиков. В настоящее время, по мнению орнитологов, на Земле существует около 9 тысяч видов птиц, причем не исключено, что в малодоступных ее уголках еще могут быть найдены неизвестные виды. Но из этого вовсе не следует, что класс Aves (латинское название птиц) в целом находится под угрозой вымирания. По самой примерной оценке, в настоящее время в мире живет около 100 миллиардов птиц.

Никто не может точно сказать, когда первое оперенное существо приспособилось к жизни на воде и у воды и почему это произошло. Процесс этот, несомненно, начался прежде всего на внутренних водоемах, а затем медленно распространился с берегов в прибрежные воды, на рифы и наконец в безграничные просторы океана. Однако первая эволюционная дилемма, с которой столкнулись эти первопроходцы мира пернатых, все еще тяготеет над ними: что лучше с точки зрения добывания корма и безопасности — летать над водой или плавать под водой? Четыре отряда морских птиц выработали свои ответы на эту задачу, поставленную перед ними окружающей средой. Sphenisciformes, то есть пингвины, после ряда адаптационных изменений оперения и крыльев навсегда покинули небеса и полностью обосновались в воде, продолжая прекрасно существовать и по сей день — главным образом благодаря суровости и труднодоступности мест их обитания. Схожие с ними, хотя и не родственные им обитатели северных широт, бескрылые гагарки прошли тот же эволюционный путь и были хищнически истреблены истосковавшимися по свежему мясу китобоями и другими моряками дальнего плавания.

На другом конце шкалы находятся Procelariiformes (трубконосые) — альбатросы и их родичи, несравненные летуны с длинными узкими крыльями, способные годами жить в открытом море, возвращаясь на сушу только для выведения потомства. Наиболее многочисленный отряд, Charadriiformes (ржанкообразные), включает куликов, чаек, поморников, водорезов, а также самых дальних мигрантов — крачек. Птицы этого отряда, первоначально кормившиеся у кромки воды, развивались в четырех направлениях. Большинство из них так и продолжает существовать на пищевых богатствах литорали, другие, например вальдшнепы, навсегда перебрались в глубь суши, третьи рискнули выбраться на морской простор, а некоторые становятся обита-

Эти рисунки дают представление о различном строении клювов у водных птиц. Закругленный клюв лебедя снабжен зубчиками, которые отцеживают съедобные частицы; шилоклювка поводит своим загнутым кверху клювом из стороны в сторону, взбаламучивая илистое дно болота и так отыскивая корм; водорез хватает рыбу, вспарывая на лету подклювьем поверхность воды; у глупыша ноздри заключены в роговые трубочки, что помогает ему избавляться от избытка соли; пеликан зачерпывает рыбу из воды в кожистый мешок, соединенный с подклювьем; колпица широким плоским клювом процеживает ил в поисках корма.

телями то моря, то берега — в зависимости от времени года. Pelecaniformes (веслоногие) образуют четвертый отряд, члены которого, составляющие шесть семейств, заметно различаются и средой обитания, и кормовыми привычками — начиная от морского бурого пеликана, ныряющего за добычей с большой высоты, и кончая похожими на подводные лодки бакланами, пресноводными змеешейками и розовыми пеликанами.

В целом береговыми называют тех птиц, которые добывают корм в воде, но после кормежки обязательно возвращаются на сушу и никогда не удаляются на значительное расстояние от своих довольно ограниченных мест обитания. Морские же птицы — это океанские бродяги, которые странствуют по обоим полушариям и возвращаются на сушу только для размножения. Однако из этих общих правил есть исключения; например Alciformes — чистики и их родичи, — являясь береговыми птицами, ведут себя как морские и тоже возвращаются на сушу только для размножения.

Несмотря на все свои богатства, море — это сложный, нередко опасный и постоянно меняющийся механизм производства пищи, получающий ход и энергию не только от приливов, но и от вращения Земли, от резких перепадов температуры на его поверхности. А потому в борьбе за выживание морские и береговые птицы, а также их родичи на внутренних водоемах обзавелись внушительным набором различных инструментов и оружия. Первостепенную важность имеет для птиц оперение — без этого защитного покрова они вряд ли могли бы выжить, особенно в воде, которая нередко бывает очень холодной. Пингвины оделись в шубки из плотных коротких перьев, которые растут по всему их телу равномерно, а не рядами, как у остальных птиц; гаги щеголяют пухом, легче и теплее которого нет на свете; непромокаемость оперения бегающих по дну оляпок обеспечивается с помощью секрета сильно увеличенных копчиковых желез. Не меньшую важность имела для птиц, ведущих водный образ жизни, и адаптация ног, в результате которой возникли перепончатые лапы уток и гусей, широко расставленные пальцы и длинные когти птиц, способных бегать по листьям водяных лилий, кожистые лопасти на каждом пальце у поганок. Столь же разнообразны и эффективны клювы береговых птиц, бродящих по мелководью. Для морских птиц проблемой становится даже утоление жажды — ведь часто им нечего пить, кроме морской воды. У буревестников и некоторых других обитателей открытого моря над глазами есть особые железы, которые выводят соль из их организма, а потому они способны пить даже самую соленую воду.

Помимо такой физической адаптации птицам морей и побережий, а также некоторым птицам озер и рек пришлось приспосабливаться не только к местам обитания своей добычи, но и к ее суточным циклам. Большинство береговых птиц активно ищет корм днем, а истинно океанические птицы занимаются этим и по ночам, когда косяки рыб поднимаются ближе к поверхности. Водорез — птица с удлиненным подклювьем и кошачьими глазами — обычно занимается рыбной ловлей по вечерам или на рассвете в спокойных водах хорошо укрытых бухт и заливов.

На эволюцию морских птиц огромное воздействие оказала смена времен года, из-за которой их обычная добыча периодически погибает или скрывается подо льдом. В результате они не только стали совершать самые длинные миграции по сравнению со всеми остальными странствующими живыми существами, но и развили крайне своеобразные гнездовые привычки и способы выращивания птенцов. Полярная крачка, абсолютный чемпион по дальности среди мигрирующих птиц, дважды в год пролетает от полюса к полюсу, в целом покрывая расстояние чуть ли не в 40 тысяч километров — то есть почти полную окружность

земного шара. Второе и тоже очень почетное место после полярной крачки занимает бурокрылая ржанка, которая летние месяцы проводит на родине, в арктической тундре, а затем отправляется на юг в Аргентину, в места, похожие на те, что она оставила в двенадцати с лишним тысячах километров позади себя. Но внушительность подобных расстояний составляет лишь часть тайны миграции. Каким образом одна птица или даже огромная стая способна пролететь тысячи километров над морем и сушей и с большей точностью, чем управляемая ракета, опуститься на родное гнездовье — вот загадка, которую орнитологи еще не разгадали. Суть ее заключена в «хоминге» — инстинктах, ведущих птицу к цели; но если их механизм еще не раскрыт, точности, с которой они действуют, можно только поражаться. Малый буревестник, которого на самолете увезли через Атлантику в Бостон с одного из островков у побережья Уэльса, вернулся домой менее чем через две недели, а темноспинный альбатрос, выпущенный примерно в 5 тысячах километров от его родного атолла Мидуэй, добрался до своего гнезда за десять дней.

Возвращение домой на привычные гнездовья составляет вторую — и важнейшую — половину миграционного цикла. И не удивительно, что природа снабдила морских птиц всем необходимым для таких путешествий. Гнездование и выращивание птенцов, самая главная часть жизненного цикла всех птиц, для морских птиц сопряжены с особыми трудностями, так как половой зрелости они достигают медленно, откладывают всего одно-два яйца, на суше довольно неуклюжи и во многом беззащитны. Поэтому их гнездовья, как и у большинства птиц, должны отвечать по меньшей мере двум условиям: во-первых, изобиловать легко добываемым кормом, а во-вторых, предоставлять надежные укрытия. Этим требованиям обычно вполне отвечают острова и пустынные побережья, и в брачный период их скалистые обрывы, излюбленные приюты морских птиц, превращаются в одно из величайших чудес птичьего мира. Такая гнездовая колония кишит миллионами птиц — спаривающихся, кормящихся, опекающих птенцов: буревестники на островах Тристан-да-Кунья в Южной Атлантике, кайры в Северной Атлантике, бакланы, чей помет превратился в драгоценные залежи гуано на островках в богатых анчоусами прибрежных водах Перу.

Может быть, есть и другие причины того, что морские птицы в брачный период собираются такими массами? Ведь нередко на одном квадратном метре гнездятся несколько пар. По мнению некоторых ученых, подобная плотность в гнездовых колониях может усиливать — или даже вызывать — инстинктивные побуждения к спариванию, насиживанию и выкармливанию птенцов.

У многих морских птиц развились способы предварительного частичного переваривания корма, предназначенного для птенцов, что облегчает его усвоение. Чайки и аисты кладут корм перед птенцами, едва их пищеварительная система разовьется в достаточной степени. Колпицы и пеликаны подставляют птенцам раскрытые клювы, и те берут корм прямо оттуда. Пингвины, путешествуя сотни километров по льдам, кормят птенцов подобием ухи, отрыгивая ее из зоба.

Превращение морских и береговых птиц из прикованных к земле пресмыкающихся в мастеров полета, приспособленных к водному образу жизни, лишний раз доказывает, что живые существа обладают бесконечными возможностями приспосабливаться и выживать вопреки самым большим трудностям.

Пингвины и тупики

Белоснежные манишки, черные сюртучки и чаплинская походка придают пингвинам такое забавное сходство с людьми, что они вызывают у нас какую то особую симпатию. Они приспособились к самому суровому климату на Земле и превосходно чувствуют себя в мире ледяных полей, громоздящихся торосов и лютых морозов, в котором не смогла бы выжить никакая другая птица. Правда, теперь большинство пингвинов обитают в зонах более умеренного климата. Их тело сплошь покрыто густым непромокаемым оперением, больше напоминающим глянцевитую шерсть тюленя, чем пышные перья других птиц, а подкожный слой жира не только служит надежной термоизоляцией, но и поддерживает их силы во время брачного периода, когда они вынуждены подолгу оставаться на суше вдали от кормящего их моря.

Семнадцать видов пингвинов, все обитающие в южном полушарии, обычно ассоциируются в нашем сознании с ледяными антарктическими пейзажами, хотя некоторые из них перебрались на берега Африки, Южной Америки и Австралии, а один вид, насчитывающий менее двух тысяч особей, — галапагосский пингвин, которому угрожает вымирание, — по холодному течению Гумбольдта добрался до Галапагосских островов, расположенных на самом экваторе. Но вот императорские и королевские пингвины, а также пингвины Адели проводят всю свою жизнь в Антарктике Однако, где бы пингвины ни обитали, они полностью зависят от холодных морских течений, богатых рыбой и другим кормом.

Любопытно, что ближайшие (хотя и очень отдаленные) родственники не способных летать пингвинов принадлежат к отряду, включающему таких несравненных мастеров дальнего полета и планирования, как альбатросы. Но хотя пингвины не могут взмыть в воздух и на суше очень неуклюжи, плавают они великолепно. Это истинно морские птицы, и под водой они соперничают в ловкости с тюленями и дельфинами. В ходе эволюции локтевые суставы пингвинов срослись и крылья превратились в крепкие плоские весла, обеспечивающие возможность стремительно плавать под водой — со скоростью до 40 километров в час, нырять за пищей на десятки метров и, точно пробка, выпрыгивать из воды на полтора-два метра прямо на ледяной припай.

Неутомимо кочуя, пингвины нередко проплывают сотни километров в ледяной воде, а потом по очень негостеприимной суше добираются до мест традиционных гнездовий. Они моногамные птицы, но гнездятся колоссальнь ми колониями — по миллиону особей и более. Инстинкт «возвращения к дому» развит у них поразительно: два пингвина Адели, выпущенные более чем в 3 тысячах километров от их родного гнездовья, добрались туда по антарктическим льдам за 10 месяцев. Не смущает пингвинов и вторжение в их владения цивилизации. Каждый год малые пингвины невозмутимо идут вперевалку через залитые прожекторным светом австралийские пляжи к своим гнездовьям, не обращая ни малейшего внимания на толпы глазеющих туристов. Добравшись до гнезда — обычно неглубокой ямки, укрытой от ветра несколькими камнями, — самка откладывает два-три яйца и насиживает их, как все прочие птицы.

Разительное исключение составляет императорский пингвин, самый крупный из всех пингвинов, достигающий роста 120 сантиметров. Единственная птица, чьи лапы никогда не касаются открытой почвы, императорский пингвин в лютую полярную ночь откладывает свое единственное яйцо прямо на антарктический лед. Отложив яйцо, самка тут же уходит к морю, к пище, оставляя яйцо заботам своего супруга. В течение 64 дней, пока бушуют свирепые бураны и температура падает до минус сорока градусов, самец держит яйцо на лапах, прикрь вая его особой складкой кожи на нижней стороне брюха. Сотни самцов сбиваются от холода в плотную кучу, и каждый время от времени оказывается у внешнего ее края, укрывая остальных от пронизывающего ветра. И так продолжается, пока из яйца не вылупится птенец — как раз тогда, когда приходит полярная весна, принося обилие пищи. Первые дни самец кормит птенца млекообразнь ми выделениями из своего зоба, а потом возвращается самка. Самец, потерявший за время зимнего голодания почти треть своего веса, может теперь сам отправиться к морю, чтобы наконец нарушить долгий пост.

Научное название *Pinguinnus impennis* в прошлом обозначало бескрылую гагарку, птицу хотя и не родственную пингвинам, но внеш ıе на них похожую, которая в результате хищнической охоты полностью исчезла в 1844 году. Путешественники, первыми увидевшие пингвинов, назвали их *Pinguinnus* из-за их сходства с бескрылыми гагарками, чьи уцелевшие родственники — люрики, кайры и ту́пики — занимают в северных водах ту же экологическую нишу, что и пингвины в южном полушарии. Их ноги отставлены далеко назад, и на суше они неуклюжи не менее пингвинов, но зато хорошо летают, а также превосходно плавают и ныряют. Самые крупные члены семейства чистиковых (Alcidae) — это тонкоклювая и толстоклювая кайры, а также гагарка. Ту́пики с их яркими попугаичьими клювами и хохолками смешны и симпатичны, как цирковые клоуны. Чистиковые обитают в Арктике повсюду в районах, прилегающих к Полярному кругу, и обычно образуют большие колонии. Питаются они в основном рыбой и беспозвоночными, размножаются весной и откладывают одно яйцо в расселине или в норе.

Императорские пингвины

Гнездовая колония

В каком-нибудь месте Антарктического побережья во время брачного периода может собраться до полумиллиона таких вот пингвинов Адели, как на фотографии справа. «Ликующее» приветствие (вверху) является составной частью ритуала, который связывает супружескую пару пингвинов Адели прочными узами — как и большинство пингвинов других видов, они остаются верны друг другу до конца жизни. Но если один член пары не возвращается на гнездовье, оставшийся в живых подыскивает себе нового партнера.

Подобно императорским пингвинам, самцы пингвинов Адели принимают от самки яйцо и насиживают его, а самки отправляются в море на поиски корма, и, поскольку за время этого долгого голодного бдения самец теряет примерно 40% веса, узы, связывающие его и самку, должны быть достаточно крепкими, чтобы она вернулась ко времени появления птенца на свет. Иначе истощенный самец будет вынужден опекать и кормить ненасытного птенца. Взрослые пингвины Адели ревниво оберегают свои гнездовые участки, и молодые птицы, впервые обзаводящиеся парой, иной раз устраивают целый переполох, ненароком расположившись на месте, которое какой-нибудь старожил облюбовал еще год назад.

Королевский пингвин на субантарктическом острове Южная Георгия насиживает яйцо, оставленное ему подругой, которая надолго рассталась с ним, отправившись на поиски корма. Период насиживания укладывается в такой срок, что молодые пингвины начинают самостоятельную жизнь в начале декабря — в наиболее благоприятное для этого время года, когда наступает антарктическое лето, припай начинает таять и в море полно пищи. Вслед за родителями подросшие птенцы смело ныряют в воду в погоне за рыбами, кальмарами и креветками, составляющими их обычное меню.

Тяготы родительской доли

У пингвинов обязанности отцовства начинаются на очень ранних этапах. Королевский пингвин насиживает яйцо, положив его на лапы и накрыв брюшной складкой. В результате отпадает необходимость в гнезде, исключаются территориальные споры, а яйцу обеспечивается достаточно тепла даже при сорокаградусных морозах. Такой способ насиживания крайне редок и встречается еще только у императорских пингвинов. Остальные пингвины сооружают гнезда, хотя и очень примитивные. Пингвины Адели, например, сгребают кучку камней и гальки. Если им хочется расширить свою крепостцу, они подбираются к гнезду отлучившегося соседа и крадут его камни. Императорские и королевские пингвины откладывают лишь по одному яйцу, что вполне естественно (учитывая их поразительный способ насиживания). Остальные их родичи откладывают по два, а иногда и по три яйца. Кладка у императорских пингвинов приходится на май — июнь, когда Антарктика погружена в тьму полярной ночи. Период насиживания, равный 64 дням, сопоставим со сроком беременности у многих мелких млекопитающих, включая собак.

После удачной ловли пингвины-родители возвращаются к птенцу и отрыгивают корм прямо в его ненасытный зев (справа). Кормят и отец, и мать. В такой исполненной достоинства позе (вверху) родители и их пушистый птенец забавно походят на одетых в смокинги людей.

В походе

Процессия справа — длинная колонна золотоволосых пингвинов, которые возвращаются с моря к гнездовью на острове Маккуори в австралийских водах. Этот остров — их единственный дом. Своими острыми когтями они цепко хватаются за камни. Как видно на верхней фотографии, их отличают пышные хохолки из длинных перьев над глазами. Подобно всем пингвинам с хохолками, золотоволосые пингвины покидают гнездовые колонии в конце лета или с наступлением осени и от трех до пяти месяцев проводят в море. Предполагают, что они придерживаются какого-нибудь северного течения и весь период пребывания в море проводят таким образом при ровной температуре. Самец и самка делят заботы насиживания, длящегося от 33 до 36 дней, все это время, подобно другим пингвинам, сохраняя не слишком удобную позу с наклоном в 45°.

В тесноте, да не в обиде

Трудно найти более убедительное доказательство общительности пингвинов, чем эта фотография слева, запечатлевшая одно из их гигантских ежегодных сборищ. Тысячи королевских пингвинов собираются на гнездовье, безмятежно игнорируя все демографические теории, согласно которым подобная сверхплотность населения неминуемо ведет к кровопролитиям. Королевские пингвины, не проявляющие никаких признаков территориального поведения, как видно, прекрасно ладят между собой даже в невообразимой тесноте гнездовой колонии. Однако, подобно другим пингвинам, они вполне способны рассердиться на людей, бесцеремонно вторгающихся в их владения. В таких случаях они весьма чувствительно бьют крыльями странных бесперых двуногих по икрам и лодыжкам. Общительность пингвинов вполне доказана, однако изредка выпадают и такие минуты, когда пингвин ищет одиночества, вроде пингвина Адели среди унылой ледяной пустыни на фотографии внизу.

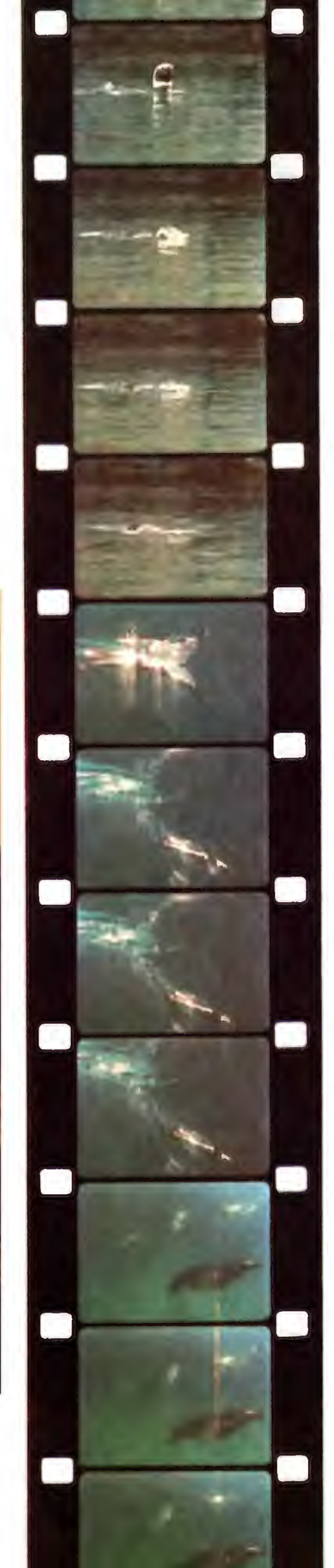

Пингвины в воде

Пингвины утратили способность летать около 100 миллионов лет назад. Но плавают они так хорошо, что достигают скорости 40 километров в час. Они выпрыгивают из воды, словно дельфины, энергично работая крыльями-ластами (вверху). Как и магелланов пингвин на кинокадрах справа, все пингвины стремительно скользят по воде, хватая корм под самой ее поверхностью. Вода стала для них настолько привычной средой обитания, что они попросту не умеют есть на суше. В зоопарках пингвинов приходится неделями кормить насильно, прежде чем они начинают подбирать брошенную им рыбу. На суше пингвины неуклюже бредут вперевалку (внизу). Однако у императорских пингвинов имеется и более быстрый способ передвижения. Они плюхаются на свои внушительные животы и скользят по льду, точно сани, загребая крыльями-ластами и отталкиваясь лапами (справа). При этом они движутся быстрее, чем человек на лыжах.

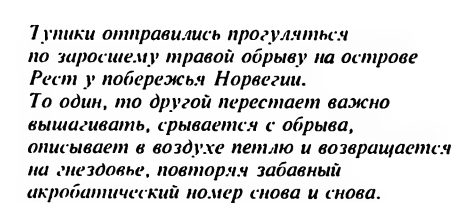

Коротко о тупиках

Уроженцы таких северных земель, как Гренландия и Шпицберген, ту́пики отправляются на зиму в Европу и на Атлантическое побережье Северной Америки, в Новую Англию. Спаривание происходит, когда они возвращаются весной на родные обрывы. Тупики гнездятся в извилистых норах, которые находят или выкапывают на обрывах или крутых склонах над морем (справа), и откладывают одно почти круглое белое яйцо. Родители обеспечивают своего единственного птенца обильным кормом. Искусные рыболовы (слева), они ежедневно снабжают птенца количеством пищи, равным его весу, — рыбой, мидиями, морскими ежами, так что через шесть недель птенец уже весит больше своих родителей. Вскоре после этого они улетают, а их раздобревший отпрыск должен самостоятельно найти дорогу к морю и постичь искусство рыбной ловли и полета, довольствуясь на первых порах жиром, накопленным за дни беспечного детства.

Крылья тупика очень коротки сравнительно с его телом, а потому тупик в полете — настоящий символ торжества воли над физическими недостатками. Когда нет сильного ветра, эти толстенькие птицы взлетают только после долгих усилий; летят они быстро, но, чтобы удерживаться в воздухе, им приходится махать крыльями сильно и часто.

Тупики отправились прогуляться по заросшему травой обрыву на острове Рест у побережья Норвегии. То один, то другой перестает важно вышагивать, срывается с обрыва, описывает в воздухе петлю и возвращается на гнездовье, повторяя забавный акробатический номер снова и снова.

Вслед за бескрылой гагаркой

Гагарки северного полушария во многом напоминают пингвинов южного. Но между ними существует одна решающая разница — гагарки способны летать. Правда, не очень хорошо. Часто взмахивая крыльями, они развивают скорость до 50 километров в час. Но когда гагарка ныряет в море в поисках корма, она оказывается в своей стихии. Под водой она благодаря своим сильным коротким крыльям буквально «летает». Два современных вида, представители которых запечатлены на фотографиях вверху, белобрюшка (слева) и гагарка (справа) — обе близкие родственницы истребленной человеком бескрылой гагарки. Последние бескрылые гагарки были убиты в 1844 году на островке Элдей у берегов Исландии. Гагарка качается на волнах, как пробка, а затем ловко ныряет за рыбой. В брачный период тонкоклювые кайры собираются на обрывах над морем и самки, обходясь без гнезда, откладывают по одному яйцу в углубления на скалистых утесах. Поскольку яйцо имеет грушевидную форму, оно от ветра вертится, но не скатывается с обрыва. Как и многие другие птицы, гагарки и их родичи часто становятся жертвами загрязнения моря нефтью и погибают подобно легендарной бескрылой гагарке, от неразумного и небрежного отношения человека к природе.

Тонкоклювые кайры на птичьем базаре на обрыве Бьернойя (Норвегия). Птенцы, гнездящихся на обрывах кайр и гагарок покидают родные уступы менее чем через две недели после появления на свет. В отличие от них птенцы чистиков и конюг, устраивающих гнезда в узких расщелинах, остаются в своих тесных, но безопасных убежищах два месяца Ареал чистиковых кольцом охватывает арктический бассейн, но особенно высока их численность в Беринговом море.

Веслоногие

Смешной и неуклюжий на земле, бурый пеликан преображается в грациозного красавца, стоит ему взлететь. Длинным клином эти крупные птицы величаво плывут в воздухе, неторопливо и сильно взмахивая крыльями (примерно 1,3 взмаха в секунду — сравните с отчаянным трепетом крыльев некоторых колибри, успевающих сделать за секунду 50—60 взмахов). Ритм, задаваемый птицей во главе клина, передается по всей линии — каждая птица точно встраивается в него. Бурые пеликаны часто летят строем и во время рыбной ловли, но, когда настает момент броситься на добычу, они вновь удивительно преображаются. Устремляясь вниз с высоты от трех до десяти метров, они полускладывают крылья, открывают клюв, снабженный большим кожаным горловым мешком, и входят в воду, как торпеды. Несколько секунд — и благодаря сотням наполненных воздухом ячеек в особом подкожном слое они, точно пробки, выскакивают на поверхность, выбрасывают из раздувшихся мешков литра четыре воды и проглатывают пойманную рыбу.

Бурый пеликан, обитающий в обеих Америках, — единственный в этом семействе специалист по нырянию с высоты. Остальные шесть видов ищут корм на мелководье: образуют полукруг и, погружая клювы в воду, точно сачки, зачерпывают ими мечущихся рыб. Иногда, чтобы вспугнуть добычу, они бьют по воде крыльями. Хотя пеликаны живут колониями, собираясь в большие стаи для гнездования и поисков корма, некоторые молодые неполовозрелые птицы, а порой и взрослые, отбиваются от стаи и ведут одиночный образ жизни. Пеликаны водятся в прибрежных водах и на внутренних водоемах всех континентов, за исключением Антарктиды.

Другие члены отряда веслоногих — одинокие рыболовы*, и у каждого есть собственные способы добывания корма. Змеешейка, обитательница пресноводных водоемов и рек, пронзает рыбу своим тонким острым клювом, точно острогой, затем подбрасывает ее в воздух и ловко подхватывает, когда она падает головой вниз. Порой змеешейка сдергивает добычу с клюва о камень или о древесный ствол. У змеешейки есть жутковатая манера сжимать воздушные мешки, поддерживающие ее тело на воде, и плыть, держа над поверхностью только голову на змеевидной шее. Это, естественно, породило всякие сказки о морских змеях; в США, например, эту птицу иногда называют змеиной.

Бакланы — преимущественно подводные рыболовы; они способны в погоне за рыбой или кальмаром нырнуть в глубину на десять метров. Прежде чем проглотить добычу, баклан поворачивает ее так, чтобы не оцарапать горло плавниками и чешуей. В Японии и других странах Дальнего Востока рыбаки используют прирученных бакланов. В море их выпускают из клетки, надев на шею веревочные кольца, чтобы они не глотали пойманную рыбу. Один из тридцати видов этого семейства — баклана Бугенвилля, обитающего на побережье Перу, — называют самой ценной птицей мира из-за его богатого фосфатами помета (гуано), который широко используется в сельском хозяйстве как замечательное удобрение. Полезные свойства гуано объясняются тем, что перуанские бакланы питаются в основном анчоусами. Торговцы гуано строят для этих птиц большие деревянные насесты и тщательно оберегают места их гнездовий от хищников.

Остальные члены отряда веслоногих — фаэтоны, олуши и фрегаты — часто кормятся далеко в открытом море. Хотя у них есть признаки, характерные для всего отряда (например, четырехпалые перепончатые лапы), каждый вид имеет свои индивидуальные особенности. Олуши замечательно ныряют с большой высоты, превосходя эффектным свободным падением даже бурых пеликанов. Когда их стая обнаруживает косяк рыбы, они стремительно пикируют с высоты до 30 метров, падая в воду, точно свинцовые градины, и хватая добычу острыми, похожими на ножницы клювами.

Фаэтоны, которых моряки прозвали боцманами, потому что их пронзительные крики напоминают звук боцманской дудки, — пожалуй, самые красивые из веслоногих: изящные летуны, парящие высоко в небе одинокие охотники, которых легко узнать по длинным хвостовым перьям. Однако искуснейшие мастера полета среди морских птиц — бесспорно, фрегаты. Прекрасные воздушные акробаты с вилкообразными хвостами, они с одинаковым аппетитом заглатывают рыб, моллюсков, черепашек и медуз, ловят в воздухе летучих рыб и, как настоящие разбойники, отнимают корм у других птиц, нападая на чаек, крачек, олушей и даже на пеликанов, грозя им крючковатыми клювами и хватая добычу, которую те роняют. Дело доходит до того, что фрегат иной раз опускается на клюв выныривающего из воды пеликана, нагло вытаскивает рыбу у него прямо из мешка, когда пеликан выбрасывает оттуда морскую воду, и уносится с ветром, пока незадачливый рыболов соображает, что же произошло с его обедом.

---

* К бакланам это не относится, поскольку они часто ведут колониальный образ жизни. — *Прим. ред.*

Американский белый пеликан

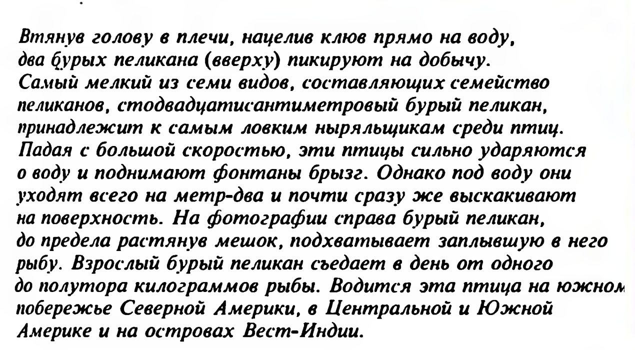

Замечательный мешок

Единственная в своем роде плавательная перепонка между всеми четырьмя пальцами отличает членов отряда веслоногих от остальных водных птиц, а сильно растяжимый горловой мешок на нижней стороне клюва выделяет пеликанов, вроде розового (вверху) и бурого (справа) пеликанов, среди их родичей — олушей, бакланов, фаэтонов, фрегатов и змеешеек. Этот кожаный мешок подвешен между гибкими костями нижней челюсти, а надклювье играет роль всего лишь крышки. Хотя мешок способен вмещать 10 литров воды, в нем, вопреки поверью, вовсе не хранится «недельный запас корма». Собственно говоря, это вообще не хранилище пищи, а своего рода сачок, зачерпывающий рыбу вместе с водой. И ведут ли пеликаны совместную ловлю или пикируют на добычу с высоты, как это делают бурые пеликаны, но, почувствовав в мешке рыбу, птица разевает клюв, наклоняет голову набок и выливает воду. Если в этот момент дерзкая чайка или крачка не вытащит рыбу у пеликана прямо изо рта, он тут же проглотит добычу.

Втянув голову в плечи, нацелив клюв прямо на воду, два бурых пеликана (вверху) пикируют на добычу. Самый мелкий из семи видов, составляющих семейство пеликанов, стодвадцатисантиметровый бурый пеликан, принадлежит к самым ловким ныряльщикам среди птиц. Падая с большой скоростью, эти птицы сильно ударяются о воду и поднимают фонтаны брызг. Однако под воду они уходят всего на метр-два и почти сразу же выскакивают на поверхность. На фотографии справа бурый пеликан, до предела растянув мешок, подхватывает заплывшую в него рыбу. Взрослый бурый пеликан съедает в день от одного до полутора килограммов рыбы. Водится эта птица на южном побережье Северной Америки, в Центральной и Южной Америке и на островах Вест-Индии.

Если не считать отдельных любителей одиночества, вроде этого бурого пеликана (вверху), пеликаны обычно летают, гнездятся и кормятся стаями, насчитывающими до 50 птиц. Наловив рыбы, американские белые пеликаны (слева) возвращаются на гнездовья кормить птенцов.

Самая мелкая среди олуш, красноногая (справа), принадлежит к одному из двух видов, гнездящихся на деревьях. Поскольку это гарантирует гнезду относительную недоступность, а значит, и безопасность, самка красноногой олуши откладывает только одно яйцо. Гнездящиеся на земле олуши больше страдают от хищников и откладывают несколько яиц, обеспечивая выживание какой-то части птенцов, а тем самым и вида. Красноногая олуша обитает на многих островах Карибского моря, а также южной части Атлантического, в Индийском и Тихом океанах. Большая гнездовая колония из 140 тысяч пар красноногих олуш находится на острове Хеновеса, одном из Галапагосских островов у побережья Эквадора.

Голубоногая олуша, чья длина достигает 85 сантиметров, превосходит размерами своих родичей. Ее довольно большие перепончатые лапы бывают всех оттенков синего цвета — от нежно-голубого до аквамаринового. Гнездится голубоногая олуша на прибрежных островах южной части Мексики до Эквадора и Перу. Кладка состоит из двух, реже трех яиц, и в насиживании участвуют оба родителя, которые затем примерно 20 недель кормят птенцов отрыгнутой рыбой. Несмотря на их заботы выживает обычно только один птенец.

Олуши

Олуши, птицы с крупными плотными туловищами, ныряют за добычей подобно своим родичам, бурым пеликанам. Олуши заметно различаются по месту своего обитания: одни, северные олуши, живут в зонах умеренного климата, другие, более мелкие виды, обитают только в теплых тропических водах. И те и другие птицы ведут стайный образ жизни и гнездятся большими колониями. Гнездовые колонии северной олуши насчитывают тысячи и тысячи пар. Каждая пара занимает участок не более квадратного метра, но ревниво его оберегает, пуская в ход против непрошеных гостей длинные острые клювы. Такая высокая плотность полезна, поскольку, чем больше птиц, тем легче им защищать своих птенцов от хищников. Крупнейшая из известных гнездовых колоний северной олуши находится на острове Сент-Килда у западного побережья Шотландии. Крутые обрывы там буквально покрыты живой пеленой из 52 тысяч птиц.

Масковая олуша обитает на островах в южных частях Атлантического, Индийского и Тихого океанов; она нередко удаляется от суши на довольно значительные расстояния, следуя за косяками летучих рыб, которые составляют основной ее корм. Подобно другим птицам, обитающим в районе экватора, масковые олуши не имеют четко выраженных брачных периодов и откладывают яйца круглый год. Кладка обычно состоит из двух яиц, причем один птенец вылупляется значительно позже другого. Первый птенец становится хозяином гнезда, а второй, маленький и слабый, выживает крайне редко.

Две северные олуши, вытянув шеи и скрестив длинные клювы, совершают сложный ритуал приветствия, общий для всех спаривающихся олуш. Предполагается, что это церемониальное выражение привязанности способствует укреплению взаимной верности обоих членов пары на все 42 дня насиживания, во время которого самец и самка сменяют друг друга на гнезде. После того как из единственного яйца вылупится птенец, родители еще 10 — 12 недель заботятся о нем, а затем он начинает самостоятельную жизнь.

Бакланы и змеешейки

Члены семейства бакланов, к которому принадлежит и галапагосский нелетающий баклан, обитают на морских побережьях по всему миру. Змеешейки же, вроде американской змеешейки, живут на реках и озерах. Эти семейства, однако, похожи тем, что кости у них плотные и тяжелые, а подкожных воздушных ячеек заметно меньше, чем у других веслоногих, которые благодаря им держатся на воде, точно пробки. В результате бакланы и змеешейки, плавая, глубоко сидят в воде. Другая особенность этих птиц заключается в том, что их оперение промокает, а потому они редко отдыхают на воде и, едва кончат кормиться, выбираются на сушу. На берегу змеешейки и бакланы, полуразвернув крылья, сушат их на солнце и на ветру. Этому ритуалу нередко предшествуют стычки из-за наиболее удобных мест.

Змеешейка (справа), которую на юге США часто называют водяной индейкой, высоко поднимает добычу, лишний раз доказывая, как метко она орудует своей природной острогой. После того как змеешейка благополучно стряхнет рыбу с клюва и, подбросив в воздух, проглотит ее, она возвращается на берег и сушит намокшее оперение (вверху).

Почти все бакланы летают прекрасно, хотя и вынуждены энергично работать крыльями, но один из них — галапагосский баклан, просушивающий свои укороченные крылья на фотографии слева, — полностью утратил способность летать. Его предки много миллионов лет обитали на двух уединенных Галапагосских островах, Исабеле и Фернандине, где у них не было никаких врагов, а корм и строительный материал для гнезд они находили в изобилии, никуда не летая. В результате галапагосский баклан навсегда расстался с воздухом, зато он прекрасно плавает, прижимая свои маленькие крылья к бокам и гребя только лапами с широкими перепонками.

Искусные авиаторы

Раздув ярко-красный зобный мешок, фрегат (вверху) парит в воздухе на крыльях двух с лишним метров в размахе, которые поддерживают тело, весящее всего полтора килограмма. Это поразительное анатомическое соотношение позволяет фрегату проделывать эффектные воздушные номера и по нескольку часов кружить в поисках корма. Хотя фрегаты значительное время проводят над водой, опускаются они на нее редко: их перья очень слабо смазаны жиром и быстро намокают, а маленькие лапы с неполной перепонкой представляют собой плохие весла. Фрегаты всегда держатся у берега, и их появление говорит морякам, что где-то поблизости есть земля. Зато фаэтоны, вроде белохвостых фаэтонов на фотографии справа, почти всю жизнь проводят в открытом море. Как большинство океанических птиц, они не слишком приспособлены к жизни на суше. Их короткие ноги еле выдерживают вес тела, и взлет становится для них настоящей проблемой. Поэтому фаэтоны гнездятся на мысах, открытых ветру, который и помогает им подняться в воздух.

Гагары и поганки

Невозможно забыть этот крик, от которого кровь стынет в жилах, этот жалобный стон, переходящий в сумасшедший хохот. Он возвещает о присутствии гагары и объясняет происхождение американской поговорки «Полоумный, как гагара». На самом же деле гагары — ловкие, осторожные птицы, они прекрасно ныряют, а плавают с такой стремительностью, что охотники почти серьезно уверяют, будто гагара успевает увернуться от пули. Родословное древо гагары, вероятно, восходит к двухметровому чудищу *Hesperornis regalis*, рыбоядной птице, которая обитала в водах Северной Америки 100 миллионов лет назад. Ископаемые остатки свидетельствуют о том, что современные гагары появились около 50 миллионов лет назад. Из всех птиц только у них ноги скрыты под общим кожным и перьевым покровом почти до пяточного сустава. Кроме того, они принадлежат к немногим летающим существам со сплошными костями, и их удельный вес очень близок к удельному весу воды. Поэтому стоит им удалить воздух из воздушных мешков и из-под оперения, и они уходят в воду, даже не всколыхнув ее. Как и другие водные птицы, они обладают способностью запасать кислород в крови, а также врожденной нечувствительностью (которой так недостает ныряльщикам-людям) к токсическому действию углекислого газа. Однако на суше эти относительно крупные (от 2 до 4 килограммов), почти бесхвостые птицы с туловищем-торпедой передвигаются с большим трудом. Вот почему они гнездятся у самой воды и при малейшем признаке опасности тотчас ныряют. Впрочем, летают гагары неплохо, несмотря на то что площадь крыла по отношению к массе тела у них меньше, чем у остальных птиц, и им требуется помощь ветра, чтобы после длительного и шумного разбега по воде подняться в воздух. Но, раз поднявшись, они летят уверенно, быстро взмахивая короткими крыльями и порой достигая скорости около 100 километров в час. А на воде и под водой они чувствуют себя как дома. Энергично работая сильными перепончатыми лапами, используя крылья для поворотов, они способны нырнуть на глубину до нескольких десятков метров, а в случае опасности оставаться под водой до двух-трех минут. Согласно одному сообщению, гагара пробыла под водой целых пятнадцать минут. При обычных обстоятельствах гагары выходят на сушу только во время гнездования или спасаясь от бури — вне брачного периода они и спят на воде. В примитивное гнездо гагара откладывает два яйца, из которых после примерно тридцати дней насиживания выходят птенцы, покрытые черноватым пухом. Они очень скоро перебираются на воду и, пока обучаются плавать и нырять, часто катаются на спинах родителей.

Поганки — изящные водные птицы, и внешне, и по привычкам напоминающие гагар, хотя между ними нет близкого родства. Они тоже великолепно ныряют и способны мгновенно уйти под воду, и птенцов тоже возят на спине. Плавают они, правда, не так быстро, как гагары, и ныряют не так глубоко, но их ловкости и быстроты хватило для того, чтобы они получили прозвище «водяные ведьмы» и «чертовы ныряльщицы». В остальном же — в строении лап, в гнездовом и брачном поведении, в странной тяге заглатывать собственные перья — поганки на редкость своеобразны. Их пальцы не соединены между собой плавательной перепонкой, как у уток или гагар, а оторочены кожистыми лопастями. В брачный период самцы и самки совершают очень прихотливые ритуальные движения ухаживания, словно танцуя какой-то водный балет. Их гнезда, сооруженные из растений, плавают на воде, прикрепленные к стеблю или ветке. Материал гнезда гниет, выделяя тепло, способствующее инкубации яиц. Пока еще не найдено точного объяснения, почему поганки едят перья, которые образуют шарики у них в желудке, но, возможно, эти шарики защищают внутренние органы от повреждения рыбьими костями*.

Пастушки и их родственники — камышницы, лысухи и лапчатоноги — входят в отряд журавлеобразных, включающий очень разных и распространенных по всему миру птиц. Пастушковые обитают как в умеренных, так и в тропических климатических зонах. Эти длинноногие бегающие, бродящие по мелководью или плавающие птицы небольшой или средней величины населяют болота, заводи, озера и луга. У лысух и лапчатоногов каждый палец снабжен лопастными перепонками, как у поганок, но на этом, если не считать того факта, что они тоже живут у воды, сходство между пастушковыми и поганками или гагарами кончается. Почти все они имеют тусклую окраску и ведут скрытный образ жизни. Лапчатоноги, обитатели лесных гор Африки, Юго-Восточной Азии, а также Центральной и Южной Америки, отличаются ярко-алыми или ярко-желтыми клювами. На спинах у них есть особые сумки, в которых они носят своих птенцов, когда летают. Заметив опасность, лапчатоноги прячутся в густом подлеске.

Очень редко встречающаяся рогатая лысуха, обитатель высокогорных озер в чилийских Андах, сооружает гнезда уникальным способом. Супружеская пара этих птиц аккуратно и старательно насыпает целый островок из гальки, увенчивая его на уровне воды гнездом из водных растений. Строятся эти гнезда метрах в тридцати от берега, чтобы оберечь кладку и птенцов от лисиц, и островки иногда поднимаются со дна на несколько метров. Другие пастушковые, в частности погоныши, сооружают из травы гнезда-беседки, то есть гнезда с крышей, среди густой растительности болота или луга.

---

* Проглоченные перья способствуют сбрасыванию погадок, с которыми из желудка удаляются непереваренные частицы пищи. — *Прим. ред.*

Черноклювая гагара

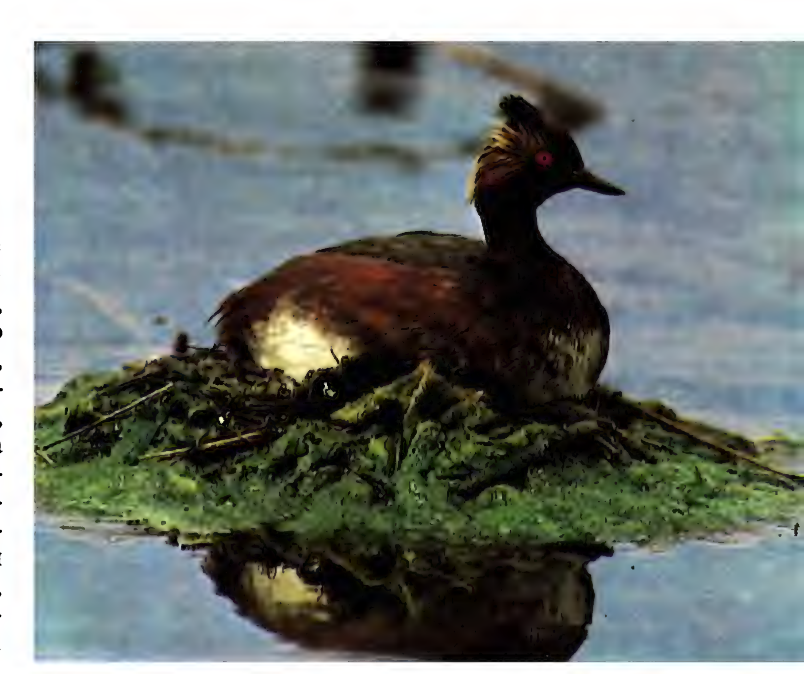

Брачный наряд

В холодные зимние месяцы оперение гагар остается тускло-серым. В марте и в начале апреля, перед самым отлетом на север, в Арктику, у них происходит неполная линька и на месте сброшенных перьев вырастают другие, образуя элегантный узорчатый брачный наряд. В конце мая и в июне, после перелета и выведения птенцов, начинается полная линька, во время которой гагары теряют маховые перья и на короткий срок утрачивают способность летать.

Черноклювая гагара (вверху), собирающая веточки для своего гнезда, щеголяет глянцевитым зеленовато-черным оперением на голове и шее, а ее спину и хвост испещряет четкий узор из белых крапин. Подобно остальным членам своего семейства, черноклювая гагара никогда не удаляется от воды, потому что гагары, которые плавают и ныряют с большой ловкостью, на суше передвигаются тяжело и неуклюже. Вот почему гагары всегда снабжают свое гнездо скатом, ведущим прямо в воду, чтобы быстро и без помех ускользнуть от приближающегося хищника.

Ритуал ухаживания

Все восемнадцать видов поганок настолько приспособились к жизни на воде, что летают довольно плохо, а некоторые почти полностью утратили способность к полету. Хвосты у них практически отсутствуют, а крылья очень короткие. Тем не менее некоторые северные виды, вроде черношейной поганки (справа), сидящей на своем плавучем гнезде, совершают далекие перелеты над сушей, быстро и напряженно работая крыльями. Подобно гагарам, поганки в брачный период меняют невзрачное оперение на более щегольское, а у некоторых, как, например, у чомги (внизу), вырастают два пучка перьев на голове (ушки) и пышный каштаново-рыжий воротник, который они демонстрируют во время своих эффектных водных танцев, входящих в ритуал ухаживания. Самец и самка вытягивают шеи и устремляются друг к другу. Почти столкнувшись, они принимают пингвиньи позы, чтобы преподнести партнеру брачные дары — пучок водорослей.

Уолден

В 1845 году американский писатель Генри Дейвид Торо (1817—1862) покинул цивилизованный мир и два года провел в маленькой хижине на берегу Уолденского пруда близ Конкорда (штат Массачусетс). Его рассказ о жизни среди дикой природы «Уолден, или Жизнь в лесу» вошел в золотой фонд американской литературы. В одной из глав этой книги философ-натуралист описывает поведение находчивой гагары, когда в ее владения вторгается человек.

Осенью, как обычно, на пруд вернулись для линьки гагары (*Colymbus glacialis*), и когда я проснулся, леса уже звенели от их дикого хохота. Едва пройдет слух, что они вернулись, как все любители охоты устремляются сюда в двуколках и пешком, по двое и по трое, с новейшими ружьями, остроконечными пулями и биноклями. Они шуршат по лесу, точно осенние листья, — по меньшей мере десять человек на одну гагару. Одни устраиваются на этом берегу, другие — на том: ведь если птица нырнет здесь, то должна вынырнуть там. Но вот поднимается добрый октябрьский ветер, шумит листьями, рябит воду, и уже невозможно услышать или увидеть гагару, как бы ее враги ни обшаривали пруд биноклями и ни оглашали леса пальбой. Волны сочувственно вздымаются и гневно плещут, заступаясь за всю водную дичь, так что наши охотнички не солоно хлебавши возвращаются в свои лавки и к брошенной работе. И все же, все же слишком часто им удавалось добиться своего. Выходя рано поутру набрать ведро воды, я нередко видел, как эта величавая птица выплывала из моего заливчика в нескольких ярдах от меня. Если я пытался догнать ее на лодке, чтобы посмотреть, что она предпримет, гагара ныряла и исчезала бесследно — иной раз я видел ее вновь только под вечер. Но на поверхности скрыться от меня ей было не так-то просто. А в дождь она обычно не появлялась.

Как-то в один из тех тихих дней, которые опускаются на озера, точно легкий пух ваточника, я, тщетно объехав весь пруд, плыл уже вдоль северного берега, как вдруг одна гагара устремилась от берега на середину в десятке ярдов от меня и диким хохотом выдала свое присутствие. Я налег на весла, гагара нырнула, когда же она вновь появилась на поверхности, я оказался много ближе к ней, чем прежде. Она снова нырнула, но я не отгадал, в каком направлении она поплывет под водой, и, когда птица вынырнула, нас разделяло уже сто ярдов, ибо я сам усердно увеличил это расстояние, гребя не в ту сторону, и вновь она громко и долго хохотала — с гораздо большим на то основанием, чем прежде. Гагара маневрировала так хитро, что мне никак не удавалось подплыть к ней ближе, чем на десяток ярдов. Вынырнув, она всякий раз вертела головой, хладнокровно озирая воду и берега, и, вероятно, прикидывала, куда ей повернуть, чтобы затем вынырнуть на широком плесе и как можно дальше от лодки. Поразительно, как быстро она принимала решение и исполняла его. Она сразу же увлекла меня на самое широкое место пруда, и отогнать ее оттуда мне никак не удавалось. Пока она что-то замышля-

ла, я пытался предугадать ее замысел. Это была чудесная игра, разыгрываемая на тихой воде, — человек против гагары. Внезапно фишка вашего противника исчезает под доской, и ваша задача — подвести свою фишку поближе к тому месту, на котором она может появиться вновь. Иногда гагара неожиданно выныривала по другую руку от меня, по-видимому проплыв прямо под лодкой. Она была так неутомима, так долго и легко могла не переводить духа, что, уплыв под водой очень далеко, тут же вновь ныряла без всякого отдыха. И тогда уж никакой ум не мог бы отгадать, куда, точно рыба, устремляется она под поверхностью воды: ведь у нее хватало времени и сноровки, чтобы побывать на дне пруда в самой глубокой его части. Рассказывают, что в нью-йоркских озерах гагары попадались на крючки, предназначенные для форели и заброшенные на глубину до восьмидесяти футов. Впрочем, Уолден глубже. Как, наверное, дивятся рыбы, когда эта неказистая гостья из другой стихии проносится сквозь гущу их косяков! Она же находит свой путь под водой как будто не хуже, чем на поверхности, а плывет даже быстрее. Раза два я замечал рябь там, где птица поднималась к поверхности, на миг высовывала голову, осматривалась и вновь ныряла. Я убедился, что проще опустить весла и ждать нового появления птицы, чем пытаться предугадать, где она вынырнет. Ведь снова и снова, когда я до рези в глазах вглядывался в одно какое-то место, ее жуткий хохот вдруг раздавался у меня за спиной. Но для чего же после стольких хитрых уловок она, вынырнув, неизменно выдавала свое присутствие этим громким хохотом? Неужто ей мало того, что ее белая грудь и так очень заметна? «До чего же глупая птица!» — подумал я. Кроме того, я обычно слышал всплеск воды, когда гагара выныривала, и знал, куда смотреть. Однако и час спустя гагара, казалось, нисколько не устала — она ныряла столь же охотно и уплывала даже еще дальше, чем вначале. Я невольно удивлялся, глядя, с какой безмятежностью она удаляется, едва вынырнет на поверхность, не взъерошив и перышка на груди, хотя ее перепончатые лапы усердно работают под водой. Обычным ее криком был именно этот демонический смех, все же чем-то похожий на крики других водных птиц, но порой, когда ей удавалось особенно ловко меня провести и всплыть далеко от лодки, она испускала протяжный жуткий вой, более похожий на волчий зов, чем на птичий голос, — на тот вой, который серый разбойник издает, опустив морду к земле. Таков крик гагары, пожалуй, самый дикий звук, оглашающий здешние леса и далеко по ним раскатывающийся. Я пришел к выводу, что птица смеялась над моими тщетными усилиями, уверенная в том, что всегда возьмет надо мной верх. Хотя к этому времени небо затянулось тучами, поверхность пруда оставалась совершенно недвижной, и если я не слышал гагары, то видел рябь там, где она всплывала. Ее белая грудь, полное затишье в воздухе и неподвижность воды — все было против нее. В конце концов, отплыв ярдов на сто, она вновь испустила долгий вой, словно взывая к богу гагар о помощи, и тотчас с востока налетел ветер, взбудоражил воду и затуманил воздух мелкой дождевой пылью; мне почудилось, будто молитва гагары была услышана и ее бог разгневался на меня, а потому я посмотрел, как гагара вновь исчезла среди поднявшихся волн, и поплыл к своему берегу.

Пастушки, лысухи и водяные курочки

Семейство пастушковых — это очень большая (132 вида) группа с широким ареалом, включающая, кроме собственно пастушко́в, еще лысух, водяных курочек, камышниц и многих других. Все они — обитатели болот, озер и заводей. Некоторые, вроде чилийских рогатых лысух, почти всю свою жизнь проводят на плесах пресных и слегка солоноватых озер. Однако подавляющее большинство пастушковых, в том числе великолепно окрашенная султанка Северной и Южной Америки и щеголяющий пышным оперением королевский пастушок, — осторожные ночные птицы, которые благодаря сжатым с боков туловищам легко прячутся и кормятся среди болотных растений. Все пастушковые входят в отряд журавлеобразных, который за историческую эпоху потерял больше членов, чем любой другой отряд мира пернатых. Отчасти это объясняется тем, что до последнего времени отдельные пастушковые в своих укромных местах обитания не имели никаких врагов и даже разучились летать. С появлением человека и других хищников они были быстро истреблены. Хотя многие пастушковые совершают длительные миграции, некоторые из них очень плохие летуны и в воздух поднимаются лишь в крайнем случае, предпочитая не улетать, а убегать от опасности — способ спасения куда менее верный.

Пастушки, лысухи и водяные курочки всеядны и могут питаться самым разнообразным кормом, как растительным, так и животным, а потому они обитают буквально по всему миру. Султанка (внизу) и королевский пастушок (справа) ищут корм на болотах — это типично для их родов. Очень длинные пальцы позволяют им легко передвигаться по мягкому илу. Рогатая лысуха (слева), получившая свое название из-за бахромчатого нароста, или «рога», на лбу, имеет на пальцах плоские лопасти, напоминающие плавники, — приспособление, помогающее ей плавать и нырять. Таким образом, у лысух есть возможность выбирать место поисков корма. Они находят его на суше или же ныряют и утоляют голод растениями, густо покрывающими илистое дно озера.

Альбатросы

Странствующий альбатрос, великолепнейшее из современных летающих существ — размах его крыльев достигает трех с лишним метров, — вполне заслуживает названия непревзойденного мастера парящего полета. Способный часами планировать на бурных потоках океанского воздуха, почти не шевеля колоссальными крыльями, искусно использующий ураганные ветры, альбатрос издавна вызывал у моряков суеверное почтение и зависть. Однако столь изумительно планирующие альбатросы летают довольно плохо. Если ветер внезапно стихает, они, волей-неволей перестав планировать, летят, тяжело взмахивая крыльями, а в штиль буквально не способны подняться с воды. Вот почему ареал большинства альбатросов ограничен южным полушарием, где нет больших массивов суши и океанские ветры без помех гуляют вокруг земного шара, вздымая синие волны и порождая именно те воздушные потоки, которыми с такой сноровкой пользуются альбатросы и их родичи — буревестники и тайфунники. И мигрировать на север альбатросам крайне трудно — разве что в системе ветров и в климате произойдут заметные изменения. Ведь в зоне экватора через Атлантический и Тихий океаны тянется штилевая полоса, представляющая для планирующих птиц практически непреодолимый барьер, особенно в Атлантике. Тем не менее в Тихом океане три вида из тринадцати, входящих в семейство альбатросов, перебрались на север: один гнездится на острове Торисима, к югу от Японии, а два — на Подветренных островах, протянувшихся цепью на запад от Гавайев. Однако в брачный период эти пионеры севера среди альбатросов подчиняются древнему инстинкту и улетают для спаривания на юг тогда же, когда происходит спаривание у южных видов, хотя для новоявленных северян этот период совпадает с серединой зимы.

При прямом соприкосновении с альбатросами люди относились к ним без всякого почтения. Их название, происходящее от португальского слова «алькатрос», означающего «большой пеликан», английские моряки нередко заменяли прозвищами, вроде «олух» или «дура-чайка». Иногда возникает впечатление, что альбатросы лучших прозвищ и не заслуживают — например, когда они «клюют» на крючки с наживкой, которые матросы забрасывают с движущихся судов. Наиболее неприятная конфронтация альбатросов с человеком произошла на военно-воздушной базе США на острове Мидуэй в Тихом океане во время второй мировой войны. Там гнездилось неисчислимое множество темноспинных альбатросов, и они постоянно сталкивались с самолетами — причем обычно страдали только птицы. Но альбатросы упрямо сопротивлялись всем попыткам выдворить их оттуда, включая обстрел сигнальными и осветительными ракетами, а также использование всяких химических средств. В конце концов по совету орнитологов военные пошли на компромисс, оказавшийся удобным для обеих сторон. Дюны вокруг взлетных полос были разровнены, что ослабило вертикальные воздушные потоки и тем самым сделало весь этот участок менее соблазнительным для гнездящихся птиц, а взлетные полосы более безопасными для самолетов. В настоящее время альбатросы и самолеты мирно соседствуют, занимая разные части острова.

Альбатросы входят в отряд трубконосых, члены которого характеризуются тем, что роговой покров их клювов состоит из отдельных щитков, а ноздри заключены в роговые трубочки. Как правило, на сушу альбатросы прилетают только для гнездования, и молодые птицы до наступления первого в их жизни брачного периода проводят в море более двух лет. Однако они время от времени, прерывая долгое планирование, опускаются на воду. После сложного ритуала ухаживания, во время которого птицы, в частности, вертятся, щелкая клювом и хлопая крыльями, на конической формы гнездо откладывается одно белое яйцо. Через 60—80 дней насиживания, обычно в марте, вылупляются птенцы. Первые 10—11 недель своей жизни они питаются рыбой, которую отрыгивают им родители.

К отряду трубконосых относятся также буревестники, тайфунники и качурки. Члены этого отряда сильно разнятся величиной — начиная от семикилограммового странствующего альбатроса и кончая крохотной малой качуркой, весящей меньше пятидесяти граммов. Все буревестники, глупыши и тайфунники — длиннокрылые океанические птицы, все они охотятся стаями и гнездятся колониями. Многие гнездятся в норах или расселинах и активны только по ночам. Вполне вероятно, что пронзительные тоскливые крики гнездящихся буревестников и породили матросские легенды о зачарованных островах.

Качурки, маленькие изящные птички с длинными ногами, летают, прихотливо трепеща крыльями, словно ночные бабочки. Один их вид, вильсонова качурка, возможно, самый многочисленный среди всех морских птиц. Когда качурки ищут корм, вытянув ноги и быстро работая лапками у самой поверхности воды, создается впечатление, будто они бегут по воде. Потому-то в старину английские моряки и дали им название «петрел» в честь апостола Петра, согласно евангельской легенде, ходившего по водам.

Хотя строение клюва и ноздрей у ныряющих буревест ников характерно для отряда трубконосых, эти плотного сложения птицы с короткими шеями и внешне, и по поведению больше походят на обитающих в северном полушарии малых гагарок, которые в родстве с ними не состоят. Встречаются они только в южном полушарии, летают, быстро трепеща крыльями, и почти всегда остаются вблизи своих гнездовых колоний. Завидев добычу, они действуют совершенно не так, как остальные члены их отряда: врезавшись в волну, они «летят» под водой за мелкими рыбами и ракообразными, а затем, ни на миг не меняя движения крыльев, вновь взмывают в воздух.

Королевский альбатрос

Раз в два года

Брачное поведение альбатросов включает сложную церемонию приветствия, одну из самых поразительных во всем птичьем царстве. На фотографиях внизу эту церемонию исполняет пара галапагосских альбатросов, гнездящихся только на острове Эспаньола (Галапагосские острова). Начинается она со взаимных низких поклонов (верхняя фотография слева), после чего они фехтуют длинными клювами с трубчатыми ноздрями (верхняя справа). Затем следует важнейший момент церемонии, когда обе птицы поднимают головы (нижняя слева) и испускают длинный гнусавый стон, несколько напоминающий долгое «ах-х-х» и отличающийся, по словам одного исследователя, «быстрым повышением тона при определенном сходстве с мычанием». В заключение самка поворачивает голову к самцу (нижняя фотография справа), а он ходит вокруг нее. Самка проявляет некоторую нежность к самцу, но подпускает его к себе не часто, а после откладки яйца вообще отказывается от спаривания. Неудовлетворенная сексуальная потребность самца словно бы переходит в ревниво-собственническое отношение к яйцу, порой приводящее к тому, что он бесцеремонно сгоняет подругу с гнезда. Брачный ритуал служит для возобновления близости между партнерами, поскольку насиживание и вскармливание единственного птенца тянется так долго, что альбатросы обычно гнездятся раз в два года.

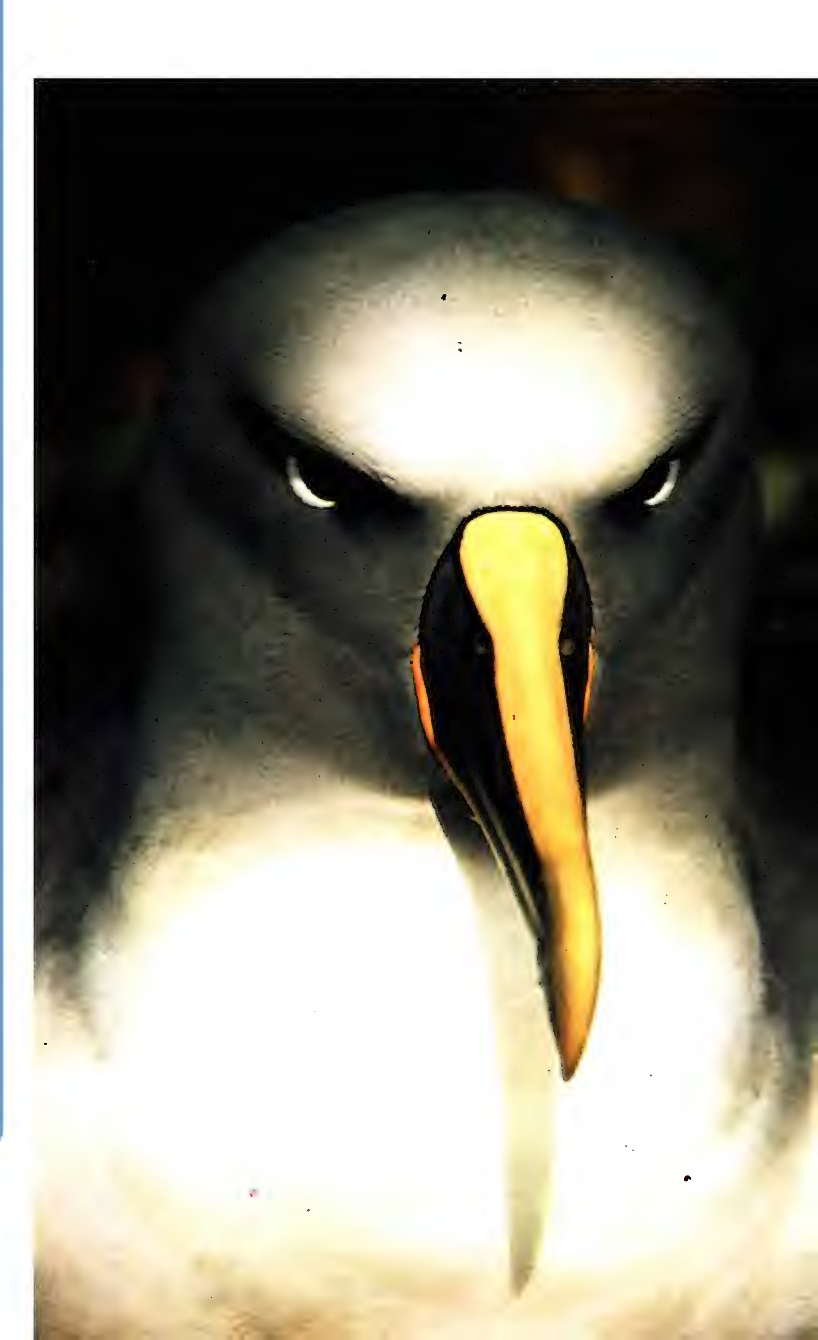

Чернобровые альбатросы гнездятся на Фолклендских (Мальвинских) островах у южной оконечности Южной Америки. Их гнезда представляют собой глиняные или земляные холмики с выемкой наверху, выстланной перьями и травой. Холмик обеспечивает единственному яйцу надежную термоизоляцию во время плохой погоды. Насиживают оба родителя, сменяя друг друга. Первое время они кормят птенца, отрыгивая прозрачное желтое «желудочное масло», которое состоит из жидкого жира и витамина А. Взрослая птица, если ее потревожить, брызгает через клюв и ноздри-трубочки этой резко пахнущей жидкостью. Альбатросы и все их родичи с таким же строением клюва обладают мускусным запахом, настолько сильным, что он ощущается даже у чучел, не одно десятилетие простоявших в музее.

Неутомимый планерист

С тех пор как первые португальские мореходы открыли путь в южные пределы океанов, альбатросы стали желанными спутниками судов, которые они часто сопровождают по нескольку дней и даже недель, неутомимо и изящно планируя на воздушных потоках. Покоритель ветра, темноспинный альбатрос (слева), безмятежно скользя в тихоокеанском небе, являет собой наглядное пособие для изучения аэродинамики. Снятый крупным планом альбатрос (внизу) выглядит угрюмым и воинственным, что совершенно не соответствует общительной натуре этих крупных птиц, каждый год собирающихся в огромные гнездовые колонии на уединенных островах.

Поэма о Старом Моряке

В этой знаменитой поэме английского поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772—1834) буря увлекает корабль к Южному полюсу, и там его начинает сопровождать большой альбатрос. Команда считает это добрым предзнаменованием, но один матрос убивает альбатроса стрелой из арбалета. Затем на корабль обрушиваются неслыханные бедствия, и товарищи матроса считают, что их вызвало это ничем не оправданное убийство. Приведенный ниже отрывок описывает начало злоключений Старого Моряка.*

Страна льда и пугающего гула, где не видно ничего живого.

...Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснет:
Ни человека, ни зверей —
Повсюду только лед

Отсюда лед, оттуда лед,
Вверху и в глубине,
Трещит, ломается, гремит,
Как звуки в тяжком сне.

Наконец большая морская птица, называемая Альбатросом, прилетает сквозь снеговой туман. Ее встречают радостно и гостеприимно.

И напоследок Альбатрос
К нам прилетел из тьмы;
Как если б был он человек,
С ним обходились мы.

Он пищу брал у нас из рук,
Кружил над головой.
И с громом треснул лед, и вот
Нас вывел рулевой.

И вот Альбатрос оказывается добрым предзнаменованием и сопровождает корабль, возвращающийся к северу сквозь туман и плавучие льды.

И добрый южный ветр нас мчал,
Был с нами Альбатрос,
Он поиграть, поесть слетал
На корабельный нос.

В сырой туман на мачте он
Спал девять вечеров,
И белый месяц нам сиял
Из белых облаков».

Старый Моряк, нарушая гостеприимство, убивает птицу, приносящую счастье.

— Господь с тобой, Моряк седой,
Дрожишь ты, как в мороз!
Как смотришь ты! — «Моей стрелой
Убит был Альбатрос.

Вот солнце справа из волны
Восходит в вышину
Во мгле и с левой стороны
Уходит в глубину.

И добрый южный ветр
нас мчит,
Но умер Альбатрос,
Он не летит играть иль есть
На корабельный нос.

Товарищи бранят Старого Моряка за то, что он убил птицу, приносящую счастье.

Я дело адское свершил,
То было дело зла.
Я слышал: «Птицу ты убил,
Что ветер принесла;
Несчастный, птицу ты убил,
Что ветер принесла».

Но когда туман прояснел, они оправдывают его поступок и тем самым приобщаются к его преступлению.

Когда же солнечным лучом
Зажегся океан,
Я слышал: «Птицу ты убил,
Пославшую туман,
Ты прав был, птицу умертвив,
Пославшую туман».

Ветер продолжается. Корабль входит в Тихий океан и плывет на север, пока не доходит до Экватора.

Белеет пена, дует ветр,
За нами рябь растет;
Вошли мы первыми в простор
Тех молчаливых вод.

Корабль неожиданно останавливается.

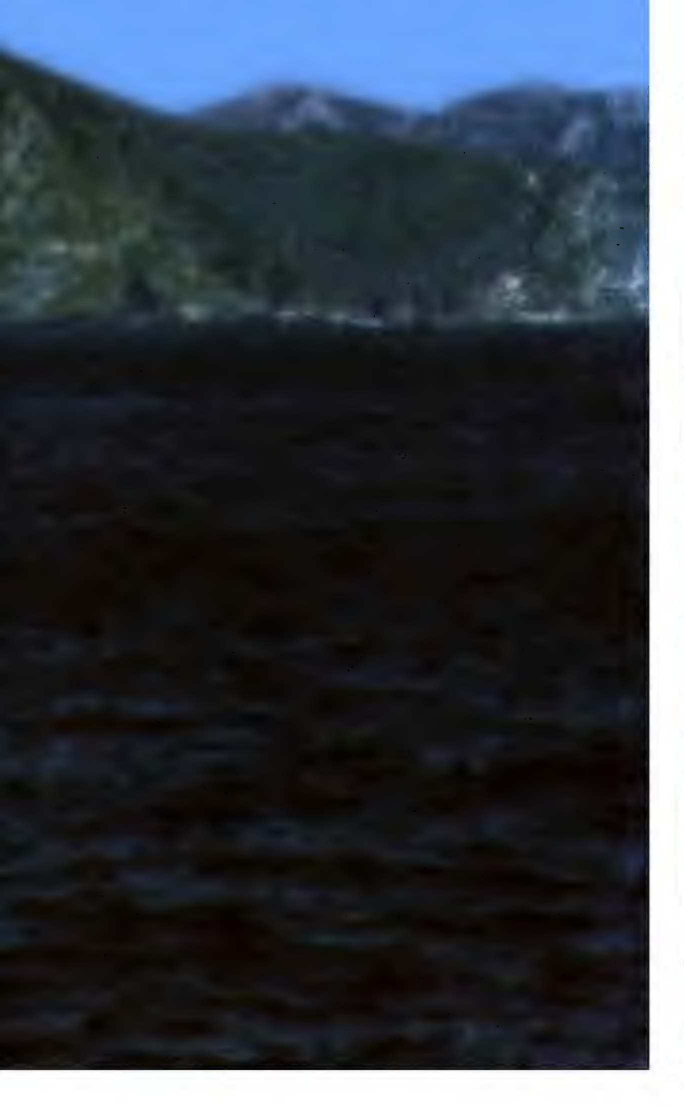
Стих ветр, и парус наш повис,
И горе к нам идет,
Лишь голос наш звучит в тиши
Тех молчаливых вод...

«Моей стрелой убит был Альбатрос». Иллюстрация Гюстава Доре.

* Сэмюэл Колридж. Поэма о Старом Моряке. Пер. с англ. Н. Гумилева. — *В кн.*: Колридж С. Т. Стихи. — М.: Наука, 1974.

Смелые морские кочевники

На фотографии слева гигантский буревестник, соперничающий с альбатросами в дальности беспосадочных перелетов, на фоне аргентинского побережья. Он гнездится в Антарктике, но залетает далеко на север — до берегов Южной Америки, Южной Африки и Австралии. Самый крупный из буревестников, он достигает в длину без малого метра, а размах его крыльев равен двум метрам. Большой пестробрюхий буревестник (внизу) — еще более смелый бродяга и часто навещает рыболовные флотилии в Северной Атлантике. Гнездится эта птица только на уединенных островах Гоф и Тристан-да-Кунья в южной части Атлантического океана, но в летние месяцы добирается до Баффинова залива, почти все время держась над самой водой.

Цапли и их родня

«Бесшумно шагнув вперед, она осторожно продвигается дальше, медленно поднимает голову над плечами... и вдруг молниеносный удар! Ее грозный клюв пронзил окуня...» Это описание Одюбона прекрасно передает огромное терпение и охотничью ловкость большой голубой цапли, одной из наиболее известных длинноногих и длинношеих птиц отряда аистообразных. Цапли и их робкие родственницы выпи имеют много общих характерных черт: отсутствие плавательных перепонок на лапах, гребневидный коготь на среднем пальце, змеиную шею и порошковый пух (пудретки), который по мере роста превращается в порошок и служит замечательным средством для чистки оперения. Обычно птицы приводят его в порядок, сильно перепачкавшись за долгий день рыбной ловли. Они трут клювом пудретки, и мелкий порошок обсыпает загрязнившиеся перья. Затем, немного выждав, они принимаются клювом или гребневидным когтем прочесывать перья, которые в заключение смазываются жиром из копчиковой железы и вновь обретают обычный подтянутый вид. Таков туалет семейства цапель. Их великолепное брачное оперение одно время вызвало интенсивную охоту на них, особенно на белых цапель. Введение строгих мер охраны, а также исчезновение моды на перья спасло этих птиц от полного истребления.

Тонкие ноги и шея придают цапле тощий вид, но это прекрасные охотничьи приспособления. Корм цапли добывают по-разному. Большая голубая цапля, которую наблюдал Одюбон, осторожно выслеживает добычу и действует клювом, точно щипцами. Она ненасытно хватает рыб, даже тех, которые, казалось бы, так велики, что не пройдут через ее глотку. Серая и большая белая цапли ловят рыбу таким же способом, а вот более мелкая и коротконогая зеленая кваква иногда ныряет за добычей. Черная цапля раскрывает крылья над мелководьем, создавая затененное место, привлекающее рыб, а затем терпеливо ждет появления добычи.

Аисты часто следуют за плугом во время пахоты и за жнейками во время жатвы, хватая змей, ящериц, лягушек, кузнечиков и даже падаль — то есть практически все, что выскальзывает из-под лемехов или из-под ножей.

В Европе аисты много веков мирно жили рядом с человеком благодаря легендам о том, что они приносят в дом детей и вообще удачу (в немецком фольклоре аистов так и называли — «вестниками счастья»). На Ближнем Востоке эти крупные птицы почитались как «паломники в Мекку», поскольку ежегодно они дважды пролетают над мусульманскими святынями. Во время этих миграций большие стаи аистов пролетают тысячи километров от Африки до своих гнездовий в Европе и на Ближнем Востоке.

Находящиеся в тесном родстве между собой ибисы и колпицы отличаются от остальных аистообразных тем, что клювы у них уплощены и расширены на конце лопаточкой либо дугообразно изогнуты книзу, и еще тем, что в полете они держат шеи вытянутыми, как аисты, а не сложенными, как цапли. Эти бродящие по мелководью птицы средних и крупных размеров добывают корм также весьма своеобразно. Ибисы ищут рыбу, тыча в воду изогнутыми клювами. Колпица опускает в воду полураскрытый клюв, водит им из стороны в сторону и сразу захлопывает, едва какой-нибудь жук, рачок или рыба коснется его уплощенного края.

Многие члены семейства ибисов отличаются разнообразием и красотой окраски. Черно-белый священный ибис в Африке, глянцевитая каравайка, распространенная почти по всему миру, и белолицая мексиканская каравайка в Новом Свете — очень красивые птицы, но, бесспорно, все они меркнут перед жемчужиной семейства — алым ибисом, обитателем болотистых зарослей на севере Южной Америки. Среди шести видов колпиц самым великолепным оперением щеголяет краснокрылая американская колпица. Этой птице не так давно угрожало полное истребление из-за моды на веера из ее перьев, но, взятый под охрану, вид мало-помалу восстанавливает свою численность.

Фламинго, отличающийся удивительно изящной окраской (от белой до темно-розовой), обладает самой длинной шеей и самыми длинными ногами относительно общих размеров туловища. В природе не много найдется столь эффектных зрелищ, как одновременный взлет полумиллионной стаи фламинго с какого-нибудь африканского озера или лагуны Карибского моря. Кормясь на мелководье, фламинго изгибают шеи так, что их крючковатые клювы оказываются перевернутыми. Края клюва снабжены мелкими роговыми пластинками и зубчиками, превращающими его в цедильный аппарат, который отфильтровывает из воды миллионы крохотных остатков растений и животных. Количество этих мельчайших частиц, съедаемых фламинго за день, достигает четверти веса его тела. Содержащиеся в пище фламинго каротиноиды воздействуют на окраску его оперения. Когда их много, перья сохраняют розовый цвет. Если их не хватает, цвет бледнеет, а при полном их отсутствии великолепные перья фламинго становятся грязновато-белыми.

Обыкновенный фламинго

Блистательное собрание больших розовых птиц

Тысячи фламинго по берегам озера Накуру в Кении (слева) кажутся волшебными розовыми волнами. Эти птицы обитают также на юге Европы и Азии, на Мадагаскаре, на побережье Карибского моря и Южной Америки. На фотографии внизу видна необычайно длинная шея фламинго и его необыкновенный клюв. Шея приобрела такую длину не за счет добавочных позвонков, но благодаря удлинению отдельных костей. Когда большая розовая птица ищет корм, она опускает голову под воду и роется клювом по дну. При этом надклювье оказывается внизу, в иле, а подклювье — сверху. В таком положении клюв захватывает много мелких лягушек, рачков, моллюсков и водных растений, составляющих главную пищу фламинго и явно идущих им на пользу. Продолжительность их жизни в естественных условиях точно не известна, но в неволе они доживают до 30 лет. Такое долгожительство по сравнению со средним сроком жизни большинства птиц выглядит внушительно, но и оно совершенно бледнеет, если вспомнить геологический возраст фламинго. Их ископаемые остатки датируются тридцатью миллионами лет и больше.

Словно исполняя в изящном костюме нежно-розовых пастельных оттенков грациозный воздушный балет, летят фламинго над родными Галапагосскими островами.

Карибские розовые фламинго (внизу) сооружают весьма своеобразные гнезда. Это сложенные из глины усеченные конусы высотой от 7 до 45 сантиметров с небольшим углублением наверху, в которое откладывается единственное яйцо. Насиживают его оба родителя в течение 28—32 дней, а затем кормят птенца, отрыгивая особую ярко-красную жидкость, по питательности сравнимую с молоком. Родители узнают своего птенца по его писку и не станут кормить чужого, как бы тот ни походил на их собственного.

Охота на фламинго

Биолог Поль Заль увлекается фотографированием редких животных. В отрывке из его книги «Охота на фламинго» рассказывается о том, как он с помощником отправился по поручению Национального одюбоновского общества на остров Инагуа, в группе Багамских островов, чтобы окольцевать и сфотографировать большую и очень пугливую стаю молодых фламинго, еще не научившихся летать.

Стадо почувствовало что-то неладное и, когда расстояние между нами сократилось метров до трехсот, начало проявлять признаки серьезной тревоги. Птицы, бродившие по краям, устремились к центру, ряды сомкнулись, и вскоре стадо отступило к густым мангровым зарослям у конца озера. К этому времени все головы уже были подняты и наверху каждого перископа поблескивала пара сердитых испуганных глаз, устремленных на две человеческие фигуры, которые двигались по мелководью, приближаясь неуклюже, но неумолимо. У стада были три возможных пути бегства — между мной и северным берегом, между Джоном и южным берегом или посредине между нами. Нашей задачей было помешать птицам выбрать последние два и постараться, чтобы их прельстил первый. Однако пока еще мы не могли соблазнительно расширить намеченный нами северный проход — птицы успели бы проскочить в озеро мимо входа в залив и спастись. Операция была крайне деликатной, коварной и требовала строжайшего расчета...

Вскоре до передних рядов сбившихся в тесную кучу птиц осталось всего сто метров. Живая масса колыхнулась в одну сторону, затем в другую: чувствовалось, что внутреннее давление вот-вот прорвет стенку котла в самом слабом месте. Но когда я добрался до входа в залив, Джон сделал мне знак остановиться. Сам он продолжал осторожно продвигаться вперед, оттесняя стадо влево, а потом аккуратно направил их между мной и северным берегом. В полном соответствии с нашим планом птицы внезапно двинулись туда, где, как им казалось, открывалась лазейка. Раздавались отдельные крики, но в целом птицы словно бы все силы вкладывали в пружинистый бег. Тысяча пар бегущих ног создавала шум, напоминающий шум ливня — непрерывный влажный шорох.

Теперь я понял, почему местные жители называют стаи нелетающих фламинго «стадами»: они двигались совершенно как испуганное стадо коров. Они даже поднимали пыль — тучи брызг, взлетавших из-под двух тысяч ног, бьющих и шлепающих по воде. С воздуха стая в этот момент походила бы на вытягивающуюся слезу. Поскольку я стоял за входом в залив, у птиц не осталось выбора, и они свернули в залив. Джон уже присоединился ко мне, и мы вместе кинулись за ними, чтобы помешать им повернуть обратно. Впрочем, слово «кинулись» не слишком подходит к нашему передвижению по илистому дну. Бесспорно, наши ноги двигались быстро, но больше вверх и вниз, а не вперед. Залив, постепенно суживаясь, протянулся на добрые полкилометра.

Теперь они были в нашей власти: мы подходили все ближе и стая забилась в узкий конец залива, надежно огороженный манграми. Мне почему-то казалось, что Джон, после того как мы загоним фламинго в этот тесный угол, собирался запереть их там с помощью веревки. Тогда мы сможем ловить птиц по одной, кольцевать и выпускать. Но когда Джон сунул мне в руку один конец веревки и начал объяснять, что от меня требуется, я понял свою ошибку: он просто думал применить один из стариннейших способов охоты на фламинго, о котором мне уже подробно рассказывали Робби Фергюсон и другие. Двое или больше охотников отрезают стаю нелетающего молодняка от воды, а затем, крепко держа за концы леску или тонкую бечевку, вынуждают птиц в панике броситься прямо на нее. Птицы слепо кидаются в просвет между двумя охотниками, а те резко натягивают леску. Если не происходит ничего непредвиденного, два опытных охотника за несколько секунд успевают переломить ноги десяткам фламинго и оглушить еще больше. Стая продолжает рваться вперед, а жертвы беспомощно плавают на воде позади: едва птицы ринутся навстречу свободе, их уже невозможно остановить. Они будут волной накатываться на веревку — и одним удастся перескочить через нее, другим проскользнуть под ней, но третьи с размаху налетят на нее.

Этот способ вполне годится для местных охотников, цель которых — раздобыть свежее мясо, но совершенно противопоказан при кольцевании. Мы, безусловно, поймали бы двадцать-тридцать птиц, но по меньшей мере половина их осталась бы лежать со сломанными ногами или шеями, в агонии хлопая по воде крыльями... Нет, нам это никак не подходило. Тем временем я пришел к выводу, что эти молодые фламинго были настолько пугливыми и уже настолько взрослыми, что гуман-

ного способа поймать их для кольцевания попросту не существовало. Когда я вез свою тысячу колец на Инагуа, я представлял себе гнездовую колонию с птенцами, еще настолько молодыми и беспомощными, что поимка их не причинила бы нам затруднений, а им — вреда. Однако это время уже давно прошло. Вдобавок в момент их первого прорыва я находился так близко от бегущих птиц, что хорошо рассмотрел эти длинные розовые зубочистки, и у меня даже сердце защемило при виде их беззащитной хрупкости.

Джон, не подозревавший о моих мыслях, разматывал веревку, готовясь двинуться на стадо, которое беспокойно жалось метрах в двухстах от нас. Я подозвал его и, открыв футляр камеры, сказал, что мы подойдем поближе и попробуем снять их, но что про кольцевание надо забыть. Я постарался объяснить ему, что окольцовывать десяток-другой птиц не имеет смысла, а даже если бы и имело, то не ценой гибели еще двух-трех десятков. Эти фламинго уже слишком взрослые — с тем же успехом можно было бы попытаться клеймить стадо молодых быков.

Джон смотрел на меня с недоумением: после стольких усилий мы наконец отрезали от воды тысячу птиц, у нас с собой красивые сверкающие кольца и пáра плоскогубцев — так какой же человек в здравом рассудке упустит подобный случай?

Но переубедить меня не удалось. Дальше мы пойдем только с камерой. Сказано — сделано, и вскоре от розового штакетника нас отделяло лишь сто шагов. Птицам некуда было деваться — чтобы вырваться на свободу, они должны были сначала отбросить нас со своего пути, но я надеялся избежать этого и подходил к ним очень осторожно. Некоторые птицы уже пытались прорваться сквозь мангры, но только спотыкались, падали и запутывались крыльями, ногами и шеями в ветках и корнях. Все ближе, ближе... Вот наконец можно поднести камеру к глазу. Я надеялся быстро сделать снимки и отступить. Но едва я нажал на кнопку затвора, плотину прорвало.

Они покатились на нас, как приливная волна, — опустив головы, вытянув шеи вперед, бешено хлопая крыльями. Эти длинные горизонтальные шеи, завершавшиеся острием головы, напоминали нацеленные копья идущих в атаку воинов какого-то древнего войска, и я вдруг перепугался. Какая глупость — бояться, что тебя затопчут птицы! Словно бы и опасности нет никакой. Но их была тысяча, они почти не уступали мне в росте и двигались сплошной стеной.

Джон стоял примерно в шести метрах слева от меня. Я торопливо взглянул на него, ища подсказки, но в эту секунду волна обрушилась на нас и закрыла Джона. Мы теперь были скалами, вокруг которых бушевало розовое море. Внезапно весь мир превратился в бившие меня по голове крылья, в глаза и клювы фламинго перед самым моим лицом, в вытянутые копьями шеи. Первый натиск опрокинул меня, и я скорчился на коленях, ушедших в глубокий ил. Бессознательно я повернулся спиной к бушующему потоку и пригнул голову. А они все бежали и бежали, их перепончатые лапы топтали мою спину, обдавали меня водой. Уголком глаза я видел только проносящуюся мимо чащу розового бамбука.

Меня охватило ощущение полной нереальности. Происходящее было настолько за пределами моего жизненного опыта, что на мгновение мне показалось, будто чувства меня обманывают. Мгновение это длилось год протяженностью в десять секунд.

Затем все кончилось. Я поднял голову и увидел быстро удаляющийся арьергард стада. Птицы замедлили бег, только когда выскочили из залива на простор озера.

Лишь тут я вспомнил про Джона и обернулся. Он стоял на прежнем месте — стоял как победитель. Как и я, он пригнулся и повернулся спиной к розовой волне, но в отличие от меня не потерял головы, а работал, хватая пробегавших мимо птиц за шеи, ноги и даже за крылья. И вот теперь он стоял, весело ухмыляясь, каким-то чудом удерживая девять фламинго. В каждой руке он держал шеи трех птиц, две были зажаты у него под мышками, а еще одна — между ног. Замерев в его хватке, они даже не пытались вырваться.

Во время этой атаки я, сам не знаю как, умудрился не уронить камеру в воду. Теперь, еще не успев опомниться, я тут же снял Джона и только потом пошел к нему. Птицы, чьи шеи были стиснуты в его могучих кулаках, висели совершенно безжизненно. Я повторил, что кольцевать мы не будем, так зачем он их держит? Убедившись, что я говорю серьезно, Джон разжал руки. Шесть фламинго из девяти тотчас удрали, а трое погрузились в воду, то ли оглушенные, то ли придушенные. Я приподнял их головы над водой. Птицы еще дышали, и значит могли оправиться.

Джон неловко стоял рядом. Его чудесный план кольцевания был отвергнут, и он по-прежнему не понимал почему. Подчиняясь внезапному импульсу, я велел ему развязать его ожерелье и снял три кольца. Затем я вытащил из промокшего кармана плоскогубцы и, протянув их ему, приподнял над водой ноги одного из трех фламинго. Расстроенное лицо Джона просияло. Он быстро разомкнул алюминиевое кольцо, с робкой уверенностью жениха надел его на ногу фламинго, толщиной не больше человеческого пальца, и зажал. Мы окольцевали остальных двух птиц. Все три скоро пришли в себя, поднялись и зарысили к стаду. При каждом взмахе их ног мы видели блеск металла.

Три окольцованные птицы никакой научной ценности не представляют. Но если когда-нибудь судьба сведет вас с фламинго, носящим на ноге номерной браслет, я буду очень рад узнать об этом.

Алые ибисы

Удивительно красивые алые ибисы обитают в тропической зоне Южной Америки, от Бразилии до северо-запада Венесуэлы, хотя иногда они залетают еще дальше на север, до Вест-Индии. Ибисы летят большими стаями, вытянув головы и шеи прямо вперед, а длинные тонкие ноги — прямо назад. Чудесное оперение этих птиц издавна соблазняло охотников, и многие годы люди беспощадно истребляли их из-за ярких перьев. Индейцы охотились на них и ради мяса — некоторые племена, по-видимому, считают его лакомством, хотя на наш вкус оно чересчур жирно и пахуче. Алые ибисы обитают в прибрежных мангровых болотах (фотография на следующих страницах), оживляя их темную зелень, словно редкостные цветы.

Пернатый бог и легенда

С раннего средневековья белый аист (справа) считался в Европе птицей счастья. Убеждение, будто он приносит младенцев, принадлежит к числу самых стойких мифов в истории культуры. В старину во многих деревнях от Голландии до Балкан чуть ли не каждый дом мог похвастать собственным аистиным гнездом. Да и до сих пор хозяева домов стараются, чтобы у них поселился аист, и в результате вид особенно процветал именно в этой части своего гнездового ареала, который простирается дальше на восток, до Средней Азии включительно. А вот во Франции, например, где аисты не вошли в местный фольклор, белый аист становится редкостью, хотя прежде встречался во множестве. Священный ибис (слева), родич аистов, также очень древняя птица: летопись его ископаемых остатков, как и у аистов, уходит в прошлое на 50 миллионов лет. Священный ибис, обитающий в Африке, почитался древними египтянами и вошел в их пантеон, а также в систему иероглифов. Индийский аист-клювач (внизу), подобно всем аистам, питается преимущественно насекомыми и рыбой, хотя иногда поедает мелких птиц и грызунов.

Вездесущие цапли

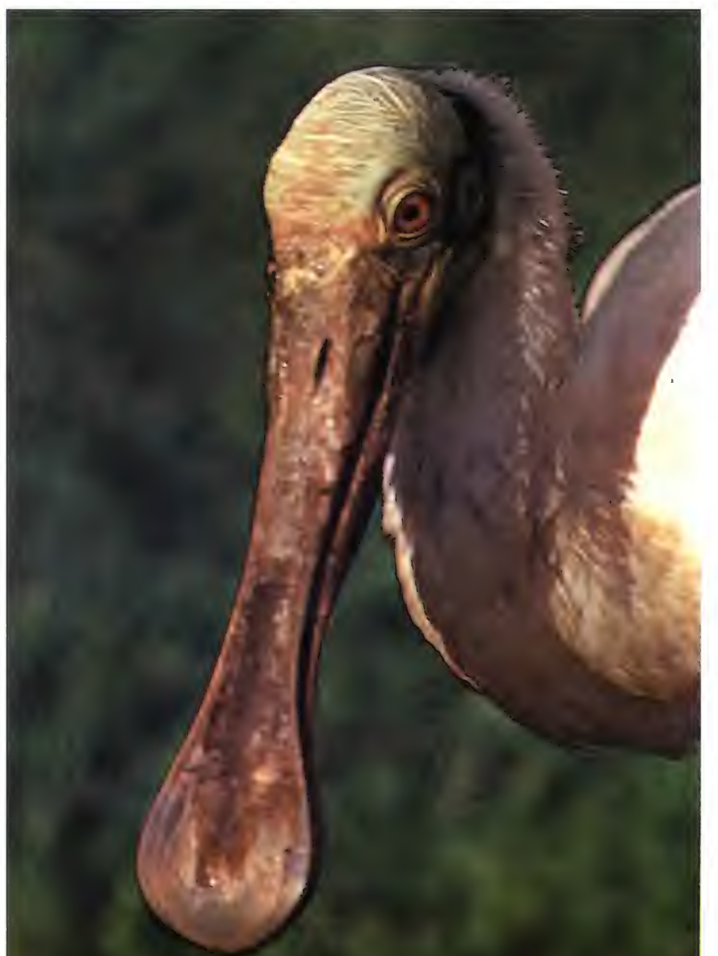
Среди аистообразных семейство цапель принадлежит к самым распространенным, и его 64 вида обитают по всей Европе, в обеих Америках, в Африке, на Мадагаскаре, в Австралии, на Новой Зеландии, а также на некоторых островах Океании. На этих фотографиях показаны три вида из тринадцати, обитающих в Америке: снежная цапля, чье изящное воздушное оперение делает ее признанной красавицей среди всех цапель; большая голубая цапля, чуть ли не самый многочисленный вид в семействе, чувствующий себя как дома и на мелких речках, и на лугах, и на озерах, и на болотах, пресных и соленых, и в мелких бухточках, и даже на полях; и зеленая кваква, принадлежащая к самым мелким видам семейства. В отличие от большинства цапель, которые подстерегают добычу, сохраняя полную неподвижность, малая белая цапля выслеживает ее, бродя по мелководью или по илистым болотам. Осторожно подобравшись к рыбе, она хватает ее молниеносным движением клюва или же частыми ударами лапы вспугивает добычу и заставляет ее всплыть.

Снежная цапля (вверху) — не такой терпеливый рыболов, как остальные цапли, и, вместо того чтобы ждать появления добычи, она взбаламучивает лапами донный ил, а затем стремительно бросается из стороны в сторону и хватает вспугнутых рыбешек, крабов или насекомых. Большую голубую цаплю (справа), которую нередко называют голубым журавлем, в полете отличить от журавля очень просто — она летит, сложив шею, а журавли в воздухе всегда вытягивают шеи.

Без брачного головного убора, который исчезает во время линьки после гнездового сезона, малые белые цапли (вверху) выглядят точно так же, как все члены семейства цапель. Зеленая кваква (справа) в период ухаживания тоже преображается: глаза у нее из желтых становятся оранжевыми, а желтые ноги — темно-розовыми.

Колпицы

Обыкновенная колпица обитает по всей Европе и в Индии. В полете (вверху) она вытягивает шею и ровно работает крыльями. Колпицы бродят по болотам, опустив полураскрытый клюв и поводя головой из стороны в сторону. Наткнувшись на что-нибудь съедобное, они тотчас захлопывают клюв. Их рацион состоит главным образом из мелких рачков, насекомых, рыб, земноводных и червей, но включает также и кое-какую растительную пищу. На фотографии краснокрылой американской колпицы, снятой крупным планом (слева), хорошо виден своеобразный и очень удобный клюв птицы. Когда-то краснокрылые колпицы во множестве гнездились по побережью Мексиканского залива и дальше на юг до Аргентины и Чили, но теперь они почти истреблены человеком. Урбанизация флоридского побережья уничтожает места обитания немногих еще сохранившихся краснокрылых колпиц. Однако они умеют приспосабливаться к меняющимся условиям и иногда находят новую среду обитания, гнездясь в колониях американских аистов-клювачей и белых цапель.

Обыкновенная колпица (вверху) носит белое оперение, типичное для ее родственников в Старом Свете. Как все колпицы, она ведет стайный образ жизни, но предпочитает гнездиться колониями только с себе подобными. Самка обычно откладывает три тускло-белых яйца в коричневую крапинку. Кладку насиживают оба родителя около 24 дней. Птенцов они кормят отрыгнутой пищей. Подросшие птенцы выучиваются запускать клювы в глотку родителей, в буквальном смысле слова вырывая у них кусок изо рта.

Квинтет евразийских колпиц на фоне закатного неба Индии создает картину, исполненную глубокого настроения. Колпицы общаются между собой ворчанием, хриплыми криками и щелканьем клюва. В Азии они нередко гнездятся высоко на деревьях, а в Европе предпочитают камыши и другие водные растения и сооружают гнездо у самой земли или над водой.

Скопы

Кружащая над водой на высоте 15—30 метров скопа замечает рыбу, на мгновение повисает в воздухе и пикирует вниз, полусложив крылья и выставив лапы с грозно растопыренными когтями. Мгновение спустя она врезается в воду лапами вперед и исчезает среди тучи брызг. Еще через несколько секунд она выныривает, и под ее вытянутым, как торпеда, коричнево-белым телом блестит зажатая в когтях рыба. Единственный пернатый хищник, питающийся только рыбой, скопа великолепно летает и планирует. Она относительно крупна (50—60 сантиметров в длину с размахом крыльев до полутора метров) и вооружена смертоносными когтями на всех четырех пальцах, из которых внешние два являются оборотными, то есть, когда она хватает добычу, два пальца могут быть обращены вперед, а два — назад. Вдобавок под когтями находятся особые подушечки с острыми шипиками, которые делают и без того мощную хватку еще надежнее. Скопы питаются только рыбой, которую ловят сами. Правда, иногда они едят и рыбу, убитую кем-то другим, но только если она целая и совершенно свежая. Вцепившись в слишком крупную рыбу, скопа может захлебнуться, прежде чем успеет высвободить когти. Это одна из немногих грозящих ей опасностей.

Скопа обитает по всему миру (за исключением Новой Зеландии и Антарктики), сооружая по берегам морей, озер и рек свои внушительные полутораметровые гнезда, трудолюбиво сложенные из веток и прутьев на сухих деревьях, на скалах, а иногда на земле или, к большому возмущению электрокомпаний, на столбах, несущих телефонные и электрические провода. Орнитолог Роджер Тори Питерсон рассказывает о скопе, которая утащила крышку мусорного бачка, укрепила ее на вершине столба электропередачи и устроила в ней гнездо. Все шло прекрасно, так как подостланные снизу ветки, по-видимому, служили хорошей изоляцией. Но однажды во время ливня крышка переполнилась водой, опрокинулась — и на час погрузила весь район в полную темноту. В гнезда, помещенные не столь рискованно, скопы возвращаются вновь и вновь — обычно одна и та же пара. Известен случай, когда гнездо использовалось из года в год на протяжении 40 лет. Самка обычно откладывает три белых яйца в рыже-коричневых пятнах. Насиживание длится около пяти недель, а затем родители два месяца заботливо опекают птенцов, пока те не поднимутся на крыло и не будут возвращаться в родное гнездо только на ночь, прежде чем улететь навсегда и начать самостоятельную жизнь.

Морская и пресноводная рыба служит пищей еще многим пернатым хищникам, в частности орланам (род *Haliaeëtus*), например африканскому. Некоторые орланы предпочитают питаться падалью или отнимать добычу у других птиц. Крупнейший из орланов, белоплечий, или камчатский, орлан, размах крыльев которого достигает двух метров, обитает в некоторых районах Сибири и Дальнего Востока. Кроме рыбы он охотится на птиц и млекопитающих, даже таких больших, как песцы. Белоголовый орлан, изображенный на гербе США, питается в основном рыбой. Как и скопы, он селится преимущественно на морских побережьях, у рек и озер.

Зимородки и оляпки, хотя и не состоят в родстве с хищными птицами, тоже кормятся у воды. Зимородки, небольшие (от 10 до 45 сантиметров) птицы с пестрым оперением, обитают по всему миру в умеренной и тропической зонах. Всего их около 80 видов. Многие из них рыбу не ловят и гнездятся далеко от воды. Но и они сохраняют свойственную всему семейству зимородковых манеру терпеливо и неподвижно высматривать добычу, а потом молниеносно пикировать на нее. Питающиеся рыбой зимородки сидят на ветке над рекой или, быстро работая крыльями, висят на высоте шести-девяти метров и в нужный момент устремляются вниз для мгновенного удара.

Рыбоводы в Европе считают зимородков полезными естественными помощниками, поскольку они хватают только самых мелких и самых слабых рыб, препятствуя таким образом перенаселению водоемов. Однако на Востоке зимородков в рыбоводческих хозяйствах недолюбливают и даже накрывают садки сетками, чтобы помешать им браконьерствовать. Все члены семейства зимородковых гнездятся в норах — на речных обрывах, в термитниках или гнилых стволах. В брачный период самец и самка роют подземную гнездовую камеру, которая может находиться метрах в трех от входа. В начале ухаживания самец зимородка часто приносит своей подруге «свадебный подарок» — естественно, рыбу.

Пожалуй, из околоводных птиц наиболее своеобразно небольшое, состоящее всего из четырех видов семейство оляпковых — певчих птичек, которых иногда называют водяными дроздами. Питаясь в основном насекомыми и их личинками, эти необыкновенные пичужки не бегают по поверхности воды, как яканы, а шныряют по дну быстрых речек. Помогая себе крепкими короткими крыльями, оляпки плывут и даже планируют против течения; они способны погрузиться на 3—6 метров и пробыть под водой около полуминуты.

Молодые скопы

Два царственных околоводных хищника

Скопа и африканский орлан — это два искуснейших рыбака в отряде дневных хищных птиц. Скопа, очень похожая на крупных ястребов и орлов, распространена чрезвычайно широко и обитает на побережьях и около больших озер и рек практически на всех континентах и многих островах, кроме Антарктики и Новой Зеландии. Африканский орлан обитает почти повсюду в южной половине Африки и часто встречается на озере Виктория и других больших озерах, где порой соперничает из-за добычи со скопой: Обе птицы питаются почти исключительно рыбой, которую ловят, стремительно падая в воду с вытянутыми вперед ногами. В отличие от скопы орлан иногда улетает на много километров от места своего обитания, чтобы полакомиться падалью. Кроме того, он охотится на молодых водных птиц.

Поскольку излюбленным местом для гнезд у скоп всегда служили верхушки высоких сухих стволов, скопы начали обосновываться на телеграфных столбах, что приводит к авариям, а потому некоторые фирмы изготовляют специальные столбы с тележными колесами на верхушке, чтобы привлекать этих птиц. Популяция скопы на Атлантическом побережье Северной Америки резко сократилась из-за того, что рыба, которой питаются скопы, нередко бывает отравлена ядохимикатами.

На трех фотографиях слева запечатлены последовательные этапы охоты африканского орлана: летит над самой водой, высматривая добычу (крайний слева); увидев рыбу, бросается в воду (в середине) в туче брызг хватает рыбу, несколько метров тащит ее по воде, затем взлетает с ней (справа) и возвращается в гнездо (вверху) кормить птенцов.

Зимородки и оляпки

Малахитовый зимородок (вверху) ведет одиночный образ жизни, и, кроме как в брачный период, его редко можно увидеть в обществе других зимородков. Это один из мелких видов. Большинство же зимородков — крепкие птицы с большой головой, короткими ногами и сильным клювом, напоминающим наконечник копья. Почти все зимородки — настоящие водные птицы, ныряющие за рыбой, но некоторые охотятся на насекомых и мелких животных вдали от водоемов. Название одного из родов — *Halcyon* — восходит к греческому мифу об Альционе, которая утопилась, узнав, что ее муж погиб во время кораблекрушения. Сжалившись, боги превратили их обоих в зимородков, и даже возникло поверье, будто зимородки выводят птенцов в гнезде, плавающем по морю в штилевую погоду во время зимнего солнцестояния, ибо Зевс повелел, чтобы ради зимородков море четырнадцать дней оставалось спокойным.

Одиночный образ жизни ведет и серая оляпка, единственная из певчих птиц Северной Америки, которую можно назвать по-настоящему водной. На суше ей свойственна манера энергично кивать головой по 40—60 раз в минуту. Она способна «летать» под водой, загребая своими крепкими закругленными крыльями. Оляпки, кроме того, бегают по дну речек и ручьев в поисках насекомых и мелких рыбешек. Когда оляпка находится под водой, ее ноздри закрываются особыми перепончатыми крышечками, а увеличенная копчиковая железа обеспечивает достаточно жира для смазки оперения до полной водонепроницаемости.

Серая оляпка (вверху) пролетает мимо водопада. За такими водопадами оляпки любят гнездиться. Эта графитно-серая птичка питается главным образом водными насекомыми, их личинками и «морскими блохами».

Кулики и им подобные

Они шныряют по литорали — богатой жизнью полосе морского дна, обнажающейся при отливе. Их хвостик подергивается, длинные ноги ступают быстро и ловко, тонкий острый клюв нацелен для удара. Самые маленькие из них — не больше воробья, самые большие — величиной с курицу. У большинства коричневое оперение спины переходит в более светлое на брюшке, и распознавать отдельные виды бывает не так-то легко, а видов этих очень много: кулики-сороки и пестрохвостые кулики, улиты, кроншнепы и веретенники, камнешарки, песочники, яканы, плавунчики и даже менее связанные с водой бекасы и вальдшнепы. Все они — члены обширнейшего подотряда куликов, входящего в отряд ржанкообразных (Charadriiformes) и включающего сухопутных, береговых и прибрежных птиц; все они выработали крайне индивидуальные приемы и приспособления, чтобы собирать пищевые богатства литорали и болот.

Кулик-сорока с величайшей сноровкой орудует длинным, сжатым с боков оранжевым клювом. Этот клюв способен не только рассекать замыкающий мускул полураскрывших свои раковины устриц, мидий и им подобных моллюсков, но и срывать с камней блюдечки, раскалывать панцири крабов и зондировать ил на мелководье в поисках «морских блох», червей и креветок.

Длинноклювые кроншнепы пользуются своими двадцатисантиметровыми клювами как пинцетом, чтобы извлекать рачков из песка литорали и пляжей. Камнешарки, как подсказывает их название, в поисках корма шарят под камнями, палками и другим принесенным водой мусором. С помощью своего короткого, слегка загнутого вверх клюва эти плотные короткошеие птички переворачивают раковины и пучки подсохших водорослей, под которыми может прятаться пожива.

Вальдшнепы и бекасы перебрались с побережий в леса и на болота, где их крапчатое оперение служит им отличной маскировкой. Их глаза, расположенные по бокам головы, эволюционировали так, что обеспечивают им поле зрения почти в 360°. Питаются эти прожорливые птицы главным образом червями: один вальдшнеп способен за день съесть червей, общий вес которых равен половине его собственного. Бекасы, обитающие в основном на болотах, питаются улитками, мелкими ракообразными и личинками насекомых. Вальдшнеп — скрытно живущая ночная птица — считается весьма изысканной дичью. Среди болотных птиц самый интересный способ передвижения у яканы, которую иногда называют «бегающей по лилиям». Вес ее стограммового тела равномерно распределен по широкой опоре, создаваемой длинными пальцами и очень длинными когтями, благодаря чему она легко и уверенно бегает по листьям водных растений.

На другом конце эволюционной шкалы поместились два жителя моря — пестрохвостый кулик и плавунчик. Плотного сложения, с серым оперением, пестрохвостые кулики совершают поразительно дальние перелеты и обитают на заросших водорослями скалах и рифах у линии прибоя. Они встречаются по всей тихоокеанской литорали от Аляски до Магелланова пролива, и кормом им служат моллюски и ракообразные. На Аляске, где они выводят потомство, в их рационе преобладают насекомые. Плавунчики живут и в море. Как у уток, перья на их брюшке покрыты водонепроницаемой жировой смазкой, а лапы оторочены узкими лопастями. Зимой на Тихоокеанском побережье их можно встретить в открытом море в нескольких километрах от берега: они выбирают мелкую живность из плавающих водорослей.

Ржанки составляют еще одну большую группу околоводных птиц, встречающихся по всему миру. У них короткие крепкие округлые тела, а клювы «голубиного» типа и заметно короче, чем у остальных куликов. Они обитают на пляжах, болотистых равнинах и лугах. Многочисленными стайками они часто следуют за отступающим приливом, склевывая с песка мелких беспозвоночных. Наиболее интересен из них новозеландский кривоносый зуек, или кривонос, единственная в мире птица, чей длинный клюв загнут в сторону — причем всегда вправо. Эта прихоть эволюции пока остается для ученых загадкой.

Все ржанки — прекрасные актрисы: они с большим искусством изображают, будто ранены, и, беспомощно трепеща крыльями, уводят опасных чужаков от своего гнезда. Гнездовое поведение ржанок и чибисов включает много черт, характерных для всех куликов. Большинство гнездится на земле в простых ямках или впадинах и откладывает четыре яйца, которые благодаря своей грушевидной форме тесно прилегают друг к другу, как дольки апельсина, так что их может насиживать одна птица. Насиживание длится около трех недель, после чего на свет появляются птенцы, одетые крапчатым маскировочным пухом. Они активны с первых же минут жизни: через несколько часов оставляют гнездо и бегают за родителями, сами отыскивая корм. Оперяются они обычно уже через месяц.

Шилоклювки и ходулочники — самые грациозные из куликов: длинные ноги великолепно дополняют поджарое, изящно вылепленное туловище с удлиненной шеей. Шилоклювки добывают корм, расхаживая по мелководью и поводя полуоткрытым клювом под водой из стороны в сторону. Ходулочники, выступая на своих очень длинных ногах (самых длинных относительно общей величины тела среди всех птиц, исключая фламинго), зондируют прямыми клювами ил в поисках креветок, ракообразных, насекомых и других съедобных даров моря. И ходулочники, и шилоклювки водятся в теплых климатических зонах, и те и другие создают гнездовые колонии, обычно на болотах или по краю лагун, и те и другие, чтобы спасти кладку, нередко бывают вынуждены поднимать гнездо, подсовывая под него строительный материал. Садясь на гнездо, ходулочник складывает свои длинные ноги и прижимает их к задней части туловища.

Ходулочник

Песочники и шилоклювки

Когда прилив отступает от берегов Ассатига — острова у побережья штатов Мэриленд и Виргиния, — для песочников (внизу) приходит время обеда. Шныряя по влажному песку, они деловито тычут в него клювами в поисках ракообразных, моллюсков и морских насекомых, составляющих их рацион. Песочники весьма общительны и охотно делят свои пляжи с другими мелкими береговыми птицами, а людей, прежде чем вспорхнуть и улететь, подпускают на два-три шага. Встречаются они почти по всему миру и ежегодно совершают очень длинные перелеты — покрывая иногда до 10 000 километров.

Их шумные, задорные с виду родичи — американские шилоклювки — во время гнездового периода добродушием отнюдь не отличаются. Когда непрошеный пернатый гость появляется возле их гнездовий на береговых низинах или у соленых озер на западе США и Канады, взрослые птицы угрожающе бросаются ему навстречу. Однако, когда не надо охранять кладку или птенцов, шилоклювки доверчивы и не обращают внимания на людей — это свойство сделало их легкой добычей для охотников, что в сочетании с уничтожением привычной для них среды обитания привело к почти полному исчезновению этих птиц на Атлантическом побережье США.

Американская шилоклювка (справа) полностью исчезла в прежних местах своего обитания, на болотах юго-востока США, но за последние годы непонятно каким образом появилась там вновь. Ее уникальный загнутый кверху клюв служит фильтром для отцеживания ракообразных и насекомых, которые составляют главный ее корм.

Специальные приспособления

Околоводные птицы на этих фотографиях отличаются крайне специализированными приспособлениями, обеспечивающими им крайне специализированные способы добывания корма. Водорезы — единственные птицы в мире, у которых подклювье далеко выдается за надклювье. Вспарывая поверхность воды, черный водорез (вверху) погружает в воду только подклювье. Если оно задевает проплывающую креветку или мелкую рыбешку, с ним тотчас смыкается надклювье с острыми, как бритва, краями. В ритуальной церемонии ухаживания птицы громко щелкают своими удивительными клювами, что и проделывает пара черных водорезов (слева) перед внимательной аудиторией пушистых птенцов. Кинжально острый клюв кулика-сороки — весьма эффективный инструмент для вскрытия устриц и других двустворчатых моллюсков. Яканы обзавелись необычайно длинными пальцами и когтями, благодаря чему в погоне за насекомыми и мальками они способны бегать по листьям водных растений.

Не будь пальцы этой африканской яканы, которая ищет насекомых у берега озера Накуру (Кения), столь непропорционально большими, она не могла бы с такой ловкостью бегать по листьям лилий и водяных гиацинтов. Яканы встречаются в тропиках и субтропиках всего мира. Их иногда называют лотосными птицами и «бегающими по лилиям».

Кулики-сороки (справа) — это крупные шумные птицы с острыми клювами, форма которых приспособлена для того, чтобы сдирать со скал блюдечки, дробить панцири мелких крабов и вскрывать раковины двустворчатых моллюсков. Они обитают на морских побережьях и берегах больших рек всех континентов, кроме Антарктиды. Во время полного прилива, когда их корм скрыт под толщей воды, кулики-сороки отдыхают чинными рядами, повернув головы против ветра.

Чайки и крачки

Чайки с большой легкостью приспосабливаются к окружающей среде и сами непрерывно на нее воздействуют — они, например, усердные мусорщики. Шумные, задиристые, агрессивные, они крадут добычу и поедают яйца и птенцов других птиц, а порой, когда нет иного корма, нападают даже на птенцов своих же сородичей. Людям они не раз оказывали большие услуги, уничтожая вредных насекомых. Так, в 1948 году в Калифорнии чайки склевали сверчков во время их нашествия, угрожавшего полям в штате Юта, а в 1947 году в Шотландии расправились с чрезвычайно размножившимися гусеницами. В некоторых странах чаек высоко ценят за то, что они очищают пляжи и прибрежные воды от всякого мусора, и поставили их под защиту закона.

Чайки — эти самые известные из околоводных птиц — в наших представлениях обычно связываются с морскими побережьями и портами, но некоторые из них селятся очень далеко от моря. Они обитают по всему миру, включая полярные области, — повсюду, где море смыкается с сушей. И хотя их лапы снабжены плавательными перепонками и у них есть копчиковая железа, выделяющая жировую смазку для перьев, чайки не принадлежат к океаническим птицам и никогда не отдаляются от берега. Они чрезвычайно прожорливы, причем вкусы их очень разнообразны. В поисках корма чайки обычно опускаются на воду и кормятся на плаву. Порой, чтобы добраться до корма, они проявляют немалую изобретательность. Наткнувшись в мелкой воде на двустворчатого моллюска, чайка иногда взлетает с добычей повыше над камнями и роняет ее вниз раз за разом, пока раковина не разобьется. Приспосабливаясь с такой легкостью к разнообразным условиям и тем самым обеспечивая себе выживание, чайки иногда превращаются в серьезную проблему: угрожают другим птицам, мешают самолетам, пачкают здания.

Существует более сорока видов чаек — длиннокрылых птиц с обтекаемым туловищем и чаще всего квадратным хвостом. Вместе с крачками, почти не уступающими им в численности видов, они составляют семейство чайковых, которое входит в отряд ржанкообразных. И большие морские чайки, красивые птицы длиной около трех четвертей метра, с размахом крыльев почти в сто восемьдесят сантиметров, и малые чайки, длиной до четверти метра, с размахом крыльев лишь около полуметра, и все остальные ведут колониальный образ жизни, образуя шумные гнездовья из многих десятков тысяч птиц. Чайки не требовательны ни к месту гнездования, ни к материалу для гнезд. Им годится все — трава, перья, веточки, обрывки сетей и прочий мусор. В насиживании кладки из двух-трех яиц, которое длится около четырех недель, участвуют и самец, и самка. Если яйца пропадают, самка тут же откладывает новые — еще один механизм, способствующий выживанию вида; в случае необходимости она пополняет кладку в третий и в четвертый раз. Птенцы, покрытые коричневым крапчатым пухом, который служит им надежной маскировкой, остаются в гнезде до тех пор, пока не научатся летать; все это время их кормят родители. Однако из-за хищников и из-за чаек, нападающих на молодь собственного вида, гибнет столько птенцов, что лишь один из четырех-пяти доживает до восьминедельного возраста и поднимается на крыло.

Хотя крачки и близкие родственницы чаек, они, как правило, мельче и изящнее и отличаются ярко окрашенным, красивой формы клювом. Хвосты некоторых крачек раздвоены, и поэтому их иногда называют морскими ласточками. Несколько видов крачек обитает у пресных водоемов, но в подавляющем большинстве они — жительницы морских побережий. Крачки постоянно кружат над водой, пикируют, иной раз ныряют, однако садятся на нее довольно редко. В целом они менее прожорливы, чем чайки, хотя тоже крадут добычу у других птиц и очень задиристы. Крачки живут колониями из миллионов пар, которые гнездятся по две-три на одном квадратном метре облюбованного участка. Один вид — полярная крачка — во время перелетов предпочитает обходиться без общества себе подобных. Эта небольшая птичка в полном одиночестве курсирует между областями полуночного солнца и антарктического лета, проводя при свете дня заметно бóльшую часть жизни, чем любое другое существо, — примерно 10 месяцев в году.

Еще более агрессивны птицы небольшого семейства, также близкие родственницы чаек и крачек, — поморники. Защищая свое гнездо, они проявляют, пожалуй, больше мужества, чем любые другие птицы. Поморники обитают в обоих полушариях, предпочитая полярные области, где они выводят потомство. Это прожорливые хищники, их можно назвать ястребами, соколами и даже стервятниками морей. Они часто грабят чужие гнезда и без разбора поедают отбросы, ягоды, других птиц, яйца (предпочитая пингвиньи), леммингов и всяких мелких млекопитающих, насекомых, падаль, а при случае отошедших от гнезда птенцов своих же сородичей.

Наиболее своеобразны из всех родственников чаек водорезы, или «птицы-ножницы». Это относительно небольшие птицы, достигающие в длину около полуметра. Их характеризуют две особенности: во-первых, зрачки с вертикальным разрезом, как у кошек, а во-вторых, подклювье, не только заметно более длинное, чем надклювье, но еще и гибкое. Водорезы занимаются рыболовством в низовьях тихих рек и ручьев — они быстро летят над самой поверхностью, редко касаясь ее, но зато вспарывая ее подклювьем и хватая рыбешек или ракообразных. Поисками корма они занимаются на рассвете, в сумерках и по ночам, проносясь вверх по течению, а затем вниз и время от времени усаживаясь где-нибудь на берегу, чтобы передохнуть и съесть добычу.

Дэлавэрские чайки

Береговой патруль

Серебристые чайки — наиболее распространенные и наиболее известные члены этого семейства: их шумные серо-белые стаи патрулируют все побережья Европы и Северной Америки. Чайки кружат над большими портами и маленькими рыбачьими деревушками от Нью-Йорка до Хельсинки и забираются в глубь суши, селясь на озерах и реках. Они образуют большие пронзительно вопящие стаи, тучами сопровождают рыбачьи суда или мусорные баржи, а во время кочевок десятки тысяч птиц буквально затемняют небеса. Они превосходные мусорщики и приносят большую пользу, очищая пляжи, порты, берега рек и озер. Где бы серебристые чайки ни собирались — возле свалки ли на острове Мартас-Винъярд (вверху) или в ожидании поживы на крыше домика нантакетского рыбака (справа), — они всегда держатся вместе.

Подобно своим родственникам чайкам, полярная крачка (справа) в период гнездования образует большие колонии. Однако друг к другу крачки относятся враждебно, хотя спокойно соседствуют на гнездовьях с птицами других видов. Полярные крачки — мастера и рекордисты полета и во время ежегодных миграций покрывают немыслимые расстояния, от мыса Барроу за Северным Полярным кругом до моря Росса, глубоко вдающегося в Антарктиду. Никакое другое живое существо не совершает таких длинных миграций.

Утки

Кряквы — всем знакомые и наиболее распространенные из уток — принадлежат к большой группе питающихся у поверхности птиц, которые входят в семейство утиных (Anatidae), включающее также лебедей и гусей. Наклонившись вперед, энергично работая желтыми перепончатыми лапами, кряквы и их родичи бороздят болота и пруды в поисках корма, пожираемого в огромных количествах, — крохотных надводных и подводных растениц, корней, стеблей и семян водных растений покрупнее, а также орехов, мягких плодов, насекомых, включая комаров, их личинок и куколок, других беспозвоночных, таких, как дождевые черви и ракообразные, ну и, разумеется, хлебных корок и крошек.

Кряквы долго оставались одним из основных пищевых ресурсов человека. Из века в век и в диком состоянии, и как прародители большинства пород современных домашних уток, в том числе самой привычной обитательницы птичьих дворов — пекинской утки, кряквы снабжали человечество бесчисленными тоннами мяса, яиц и пуха.

Питающиеся у поверхности водоемов птицы, такие, как американская черная утка, удивительно красивая каролинка, шилохвости и чирки, доказали гибкость своего поведения, сумев приспособиться к соседству с человеком. Ежегодная миграция уток начинается с канадских гнездовий довольно поздно осенью — огромные стаи крякв и черных уток взлетают с воды почти вертикально (такой взлет составляет одну из их особенностей) и берут направление на юго-восток, проносясь со скоростью от 65 до 100 километров в час над долиной Миссисипи и дальше вдоль побережья Мексиканского залива. Именно там ранней весной или даже позднее, на обратном пути домой, происходит образование пар, сопровождаемое сложным ритуалом ухаживания, которое начинает пышно расцвеченный самец.

Когда они добираются до гнездовий, крапчатая самка сооружает гнездо. Затем пара распадается, и самка одна насиживает кладку и заботится об утятах. Селезней не следует обвинять в сознательном пренебрежении к своему потомству, так как именно в это время они начинают линять, сбрасывают маховые перья, теряя способность к полету и становясь легкой добычей для хищников. В течение этого опасного периода утки стараются надежнее укрыться от врага, иногда ныряют (утята так делают при любой тревоге). Примерно через месяц у самцов и самок отрастают маховые перья и они опять обретают способность летать, однако в свой прекрасный брачный наряд селезень вновь облачается гораздо позже — осенью или в начале зимы.

Не все питающиеся у поверхности водоемов птицы придерживаются общих для своей группы форм поведения. Широконоски, например, отличающиеся крупным, широким клювом, зачерпывают им илистую воду и примерно так же, как фламинго, процеживают ее сквозь гребенчатые зубчики, проглатывая остающийся в клюве корм. Андская утка, обитающая высоко в Андах и также причисляемая к птицам, питающимся у поверхности водоемов, мчится вниз по течению бешеных горных потоков, словно участник слалома на каноэ, неистово загребая лапами и хватая моллюсков и личинки насекомых, а потом взлетает и уже по воздуху возвращается вверх по течению, чтобы вновь промчаться вниз по воде.

Нырковые и морские утки — красноголовый американский нырок, североамериканский и ошейниковый нырки, чернеть, а также гоголи, гаги и турпаны — образуют одну большую группу в огромном семействе утиных. Эти птицы ищут корм под водой — клювы у них короче и шире, чем у птиц, ищущих корм на поверхности воды, ноги расположены несколько ближе к хвосту, и взлетают они медленнее, взбивая пену. Некоторые из них способны нырять на глубину до 12 метров. Красноголовый и североамериканский нырки обычно обитают на пресных или слегка солоноватых водоемах, а гоголи и гаги предпочитают более соленые воды. Североамериканские нырки, зимующие на полях дикого сельдерея в окрестностях Чесапикского залива, — любимая птица как охотников, так и гурманов. Места обитания гаг лежат по Северному Полярному кругу, охватывая берега Сибири, Аляски, Гренландии, а также Скандинавского полуострова. В летние месяцы гаги могут откочевывать в глубь суши на пресные водоемы. Славятся гаги своим удивительно мягким и легким пухом, который они используют, чтобы выстилать гнезда, а человек — как материал для подушек, стеганых одеял и зимней одежды. Этот пух, который собирают в Исландии, Канаде и других странах, настолько легок, что с 80—90 гнезд его получают не более килограмма.

Питаются гаги главным образом моллюсками и крабами, и их короткие мощные клювы отлично приспособлены для того, чтобы хватать и удерживать подобную добычу, а крепкие мышцы желудка без труда перетирают крабьи панцири. Крохали, основной корм которых составляет рыба, идеально приспособлены для ныряния. Их туловище более узко и обтекаемо, чем у остальных нырковых уток, а длинный узкий цилиндрический клюв снабжен острыми зубчиками, которые наклонены назад и предназначены для того, чтобы хватать и удерживать рыбешку. Благодаря своей способности нырять и выныривать без малейшей ряби крохали заняли достойное место среди самых искусных пернатых рыболовов.

Южноамериканская черноголовая утка тайком откладывает свои большие яйца в гнезда других птиц, предоставляя незадачливым приемным родителям насиживать их и заботиться о потомстве.

Селезень мандаринки

Пестроносые турпаны и морянки

Утки постоянно собираются огромными, многотысячными стаями. На нижней фотографии внушительная флотилия пестроносых турпанов окружает плывущих поодиночке нескольких чернетей. Пестроносые турпаны обычно кормятся над банками мидий около берега, но на сушу выходят только в брачный период или спасаясь от бури. Тут же собираются и чернети. Поскольку пестроносые турпаны и чернети питаются рыбой, их мясо грубо и резко пахнет, а потому охотники на уток ими пренебрегают. Зато мясо североамериканского нырка (близкого родственника чернети), предпочитающего растительный корм, издавна считается деликатесом. Подобно всем морским уткам, и пестроносые турпаны, и чернети хорошо ныряют. А морянки и вовсе попадались в рыболовные сети на глубине до 30 метров.

Кряквы и шилохвости (вверху) тысячами кружат в небе над национальным заповедником Кеймес на востоке штата Айдахо, где взяты под охрану излюбленные гнездовья многих видов водоплавающих птиц. Капские утки (справа) часто собираются в огромные многотысячные стаи. Когда они не кормятся и не летают, то стоят бок о бок длинными рядами, отдыхая или подремывая. Три из четырех снятых здесь уток стоят на одной ноге — по-видимому, для уток это очень удобная поза.

Пушистые гаги

Из всех видов морских уток наиболее известны и наиболее распространены гаги, ареал которых лежит кольцом по Северному Полярному кругу. Возможно, они и самые многочисленные — кочуют гаги огромными стаями. Гнездиться они предпочитают колониями, и, как почти у всех уток, самка выстилает гнездо пухом, выщипанным из собственной груди. Гагачий пух удивительно мягок, а потому имеет большую коммерческую ценность, и люди каждый сезон собирают его из гнезд. На фотографии вверху — селезень очковой гаги, обитающей по всему северу Сибири и Аляски. Птенцы выучиваются летать примерно через семь недель после своего появления на свет.

Вверху — самец гаги-гребенушки, а слева внутри крупных зеленоватых яиц ждут своего времени появиться на свет два птенца обыкновенной гаги. Когда они покинут скорлупу, их главной защитой от хищников будут маскирующая окраска, материнские предупреждения и — после того как они благополучно завершат свое путешествие к воде — способность нырять. Однако ныряют гаги, не только спасаясь от врагов, но и в поисках рыбы и моллюсков — своего основного корма.

Утки на деревьях

Белолицая древесная утка принадлежит к мускусным уткам и находится в отдаленном родстве с египетским гусем, который на фотографии вверху стоит возле них. Древесные утки обитают в тропиках. Мускусные утки проводят на деревьях значительно больше времени, чем все прочие. Их лапы снабжены крепкими, длинными и острыми когтями, задний палец хорошо развит. Сидя на ветке, они сохраняют вертикальную позу — другие водоплавающие птицы обычно присаживаются на лапы. Каролинка (справа), отражающаяся в воде, точно в зеркале, распространена в Северной Америке довольно широко — от Флориды до юга Канады. Люди, занимающиеся разведением домашних уток, относятся к каролинкам с такой симпатией, что бывают рады, если они прилетают покормиться вместе с их питомцами. Каролинки гнездятся преимущественно в дуплах деревьев возле небольших озер и речек. Они близкие родственницы мандаринок, обитающих в Юго-Восточной Азии и Японии. Но, несмотря на это близкое родство, в неволе мандаринка не спаривается ни с каролинкой, ни с какой-либо другой уткой. Это объясняют своеобразием строения одной из ее хромосом.

Кряква и ее потомки

Кряква (вверху) — это праматерь большинства домашних уток, в том числе и хорошо известных нам пекинских уток. Брачное поведение крякв включает несколько своеобразных ритуалов. Например, селезень внезапно бьет по воде клювом, поднимая фонтаны брызг. Перед спариванием обе птицы поднимают и опускают головы, словно намереваясь взлететь. При спаривании, происходящем, как и у всех водоплавающих птиц, на воде, самка погружается под воду с головой. Во время насиживания селезни, которые никакого участия в заботах о потомстве не принимают, часто собираются на каком-нибудь ближнем озере и гоняют всех самок, прилетающих туда с гнезда покормиться или почистить оперение. На фотографии слева три птенца кряквы устроились рядышком со своим двоюродным братцем — домашним утенком.

Вопреки своему названию пекинские утки (внизу) отнюдь не могут претендовать на чисто азиатское происхождение. Как почти все домашние утки, они происходят от кряквы — вида, распространенного по всему миру. У них в верхней части хвоста есть загнутые перья — наследие, полученное от общего предка. В довершение путаницы именно китайцы вывели единственную в Старом Свете породу уток, происходящую не от кряквы.

Кольцо царя Соломона

Видный австрийский зоолог и лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц считает, что у высших животных существуют четкие средства общения и человек может не только изучить их, но и активно ими пользоваться. Сам он неоднократно становился другом или вожаком своих животных, а иной раз и заменял им мать. В этом отрывке из книги «Кольцо царя Соломона» Лоренц рассказывает о том, как, поступившись своей солидностью, он убедил выводок утят кряквы, что приходится им родной матерью. Из фотографии внизу видно, что его метод оказался вполне приложим и к гусятам*

Одно время я экспериментировал с молодыми кряковыми утками — меня интересовал вопрос, почему только что вылупившиеся инкубаторные утята в отличие от «новорожденных» птенцов серого гуся недоверчивы и пугливы. Гусята без колебаний начинают считать матерью первое живое существо, которое они встречают на своем жизненном пути, и доверчиво бегут за ним. Утята кряквы ведут себя совершенно иначе. Когда я брал из инкубатора только что вылупившихся утят, они всякий раз убегали от меня и забивались в ближайший темный угол. Почему? Я вспомнил, что однажды подложил яйца кряквы под мускусную утку и вылупившиеся крохотные утята отказались признать свою приемную мать. Едва обсохнув, они сразу же убежали от нее, и я потратил массу усилий, чтобы изловить этих кричащих, заблудившихся детей. Но вот когда я подложил яйца кряквы белой домашней утке, маленькие дикари, вылупившись, побежали за ней так, словно это была их настоящая мать. Секрет, по-видимому, заключался в ее криках. Ведь внешне белая домашняя утка так же не похожа на крякву, как и мускусная утка. Но у домашней утки есть одно сходство с кряквой (прародительницей всех наших домашних уток), и это сходство — ее крики. Хотя в процессе одомашнивания пропорции тела и окраска изменились, голос практически остался тем же.

Вывод был ясен: чтобы заставить маленьких крякв ходить за мной, я должен крякать, как их мамаша. Сказано — сделано. Я взял кладку насиженных яиц чистокровной дикой кряквы, положил их в инкубатор и, едва утята вылупились и обсохли, стал крякать для них. Я крякал без передышки полдня. И это возымело успех. Утята доверчиво уставились на меня, явно не испытывая ни малейшего страха. А когда, продолжая крякать, я медленно пошел от них, они послушно засеменили

* Лоренц К. Кольцо царя Соломона. Пер. с англ. Е. Панова. — М.: Знание, 1980

Гусята признали Конрада Лоренца своей матерью.

за мной тесной кучкой, точно утята, бегущие за своей матерью. Мое предположение было бесспорно доказано. Только что вылупившиеся утята обладают врожденной реакцией на голос матери, а не на ее внешний вид. Всякий, кто издает утиное кряканье, будет принят за мать — неважно, кто это: толстая белая пекинская утка или еще более толстый человек. Однако подставное лицо не должно быть особенно рослым. В начале моих опытов я садился в траву среди утят и передвигался в таком положении. Однако, стоило мне встать и позвать утят за собой, как они останавливались, растерянно смотрели во все стороны, но только не вверх, на меня, и вскоре начинался пронзительный писк покинутых матерью утят, который мы обычно называем плачем. Они не могли принять тот факт, что их мамаша стала вдруг такой высокой. А потому, если я хотел, чтобы утята следовали за мной, мне приходилось передвигаться на корточках. Нельзя сказать, что это было слишком удобно; но еще хуже то, что кряква-мать крякает непрерывно. Если я хотя бы на полминуты прерывал свое мелодичное «куаг, гегегегег, куаг, гегегегег...», шеи утят начинали вытягиваться, подобно тому как вытягиваются лица у обиженных детей, и, если я тут же не возобновлял кряканья, пронзительный плач поднимался снова. Как только я замолкал, им, вероятно, начинало казаться, что я умер или не люблю их больше — достаточная причина, чтобы заплакать! Утята в отличие от птенцов серого гуся оказались весьма требовательными и утомительными подопечными — вообразите двухчасовую прогулку с такими детьми, когда все время передвигаешься на корточках и крякаешь без остановки. Однако во имя науки я час за часом подвергал себя этому тяжелому испытанию.

И вот на следующий день, скорчившись и крякая, я прогуливался с моими утятами по зеленой майской лужайке в дальнем конце нашего сада. Я радовался послушанию и точности, с какими мои утята вперевалочку следовали за мной. Как вдруг, взглянув вверх, я увидел над оградой сада ряд мертвенно-бледных лиц: группа туристов стояла за забором и в ужасе таращила на меня глаза. Их можно было понять! Они видели лишь бородатого толстяка, который, скорчившись в три погибели, выписывал восьмерки на лужайке, то и дело оглядываясь через плечо и крякая, а утята, которые объяснили бы и оправдали подобное нелепое поведение, были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой.

Лоренц ведет за собой стайку гусят.

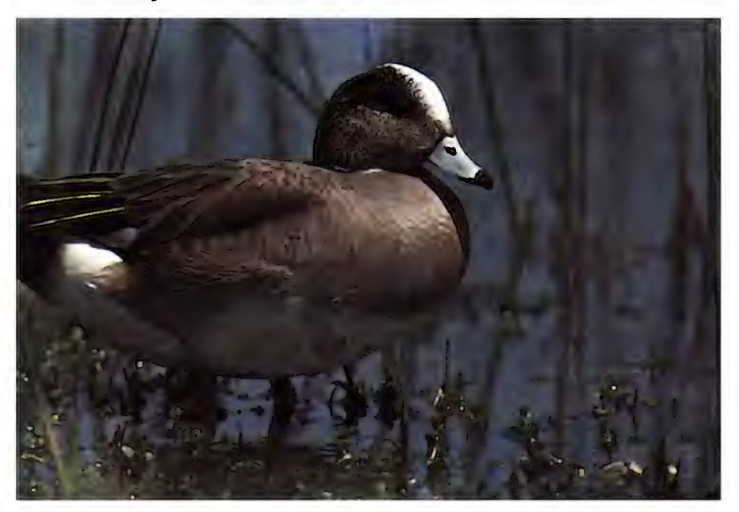
Разнообразие нарядов

Эти десять фотографий дают полное представление об удивительном разнообразии окраски утиного оперения. Белощекая савка — небольшая птица, которая плавает, поднимая вверх длинные жесткие хвостовые перья, откладывает яйца, относительно более крупные, чем любая другая утка, и с трудом ковыляет по земле, потому что ноги у нее смещены далеко назад. Касатка — быстро летающая обитательница Восточной Азии, — за исключением времени миграций, ведет одиночный образ жизни.

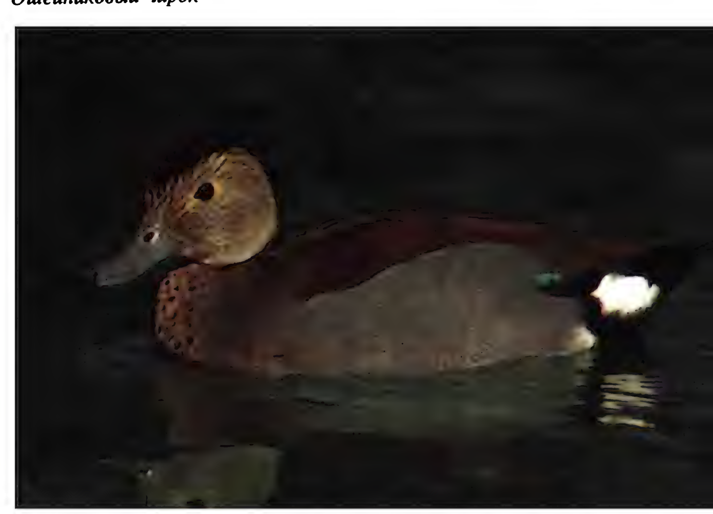
Американская свиязь обитает на пресных водоемах и кормится почти исключительно растительной пищей. Ошейниковый чирок — житель Южной Америки; его мясо особенно вкусно. Королевская пеганка принадлежит к очень задиристым видам уток, селезни которых во время ухаживания вступают в драки, что составляет часть брачного ритуала, а самка становится подругой победителя. Шилохвость — очень распространенный по всему северному полушарию вид.

Лопатообразный клюв австралийской розовоухой утки снабжен уникальными придатками-клапанами, отцеживающими от воды мельчайшие кусочки водорослей. Красноносый нырок — обитатель пресных водоемов на юге Европы, в Азии и Африке; часто кочует огромными стаями. Чернеть — неприхотливая утка, живущая на больших озерах и реках до зимы, а затем откочевывающая на море. Утверждают, что чернеть в поисках корма способна нырнуть на глубину до 6 метров. Исландский гоголь гнездится на северо-западе Северной Америки, на юго-западе Гренландии и в Исландии; в полете его крылья издают характерный шелест.

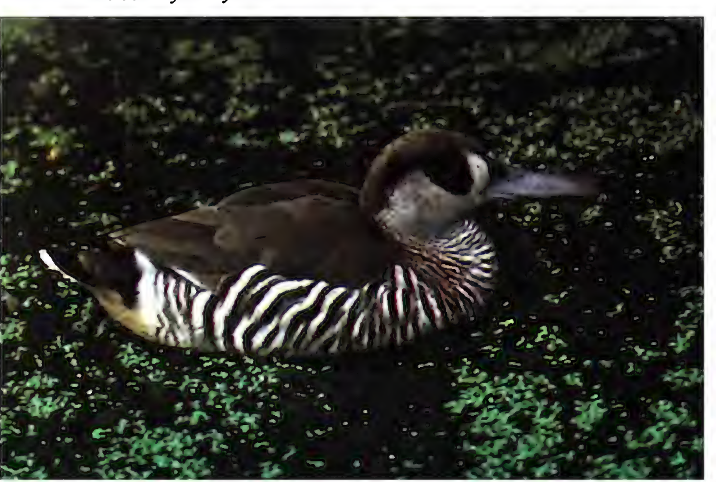
Американская свиязь

Ошейниковый чирок

Розовоухая утка

Красноносый нырок

Белощекая савка

Касатка

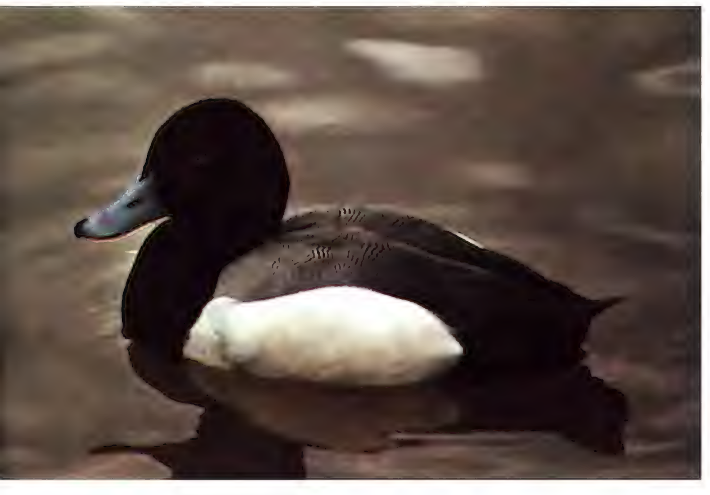
Королевская пеганка

Шилохвость

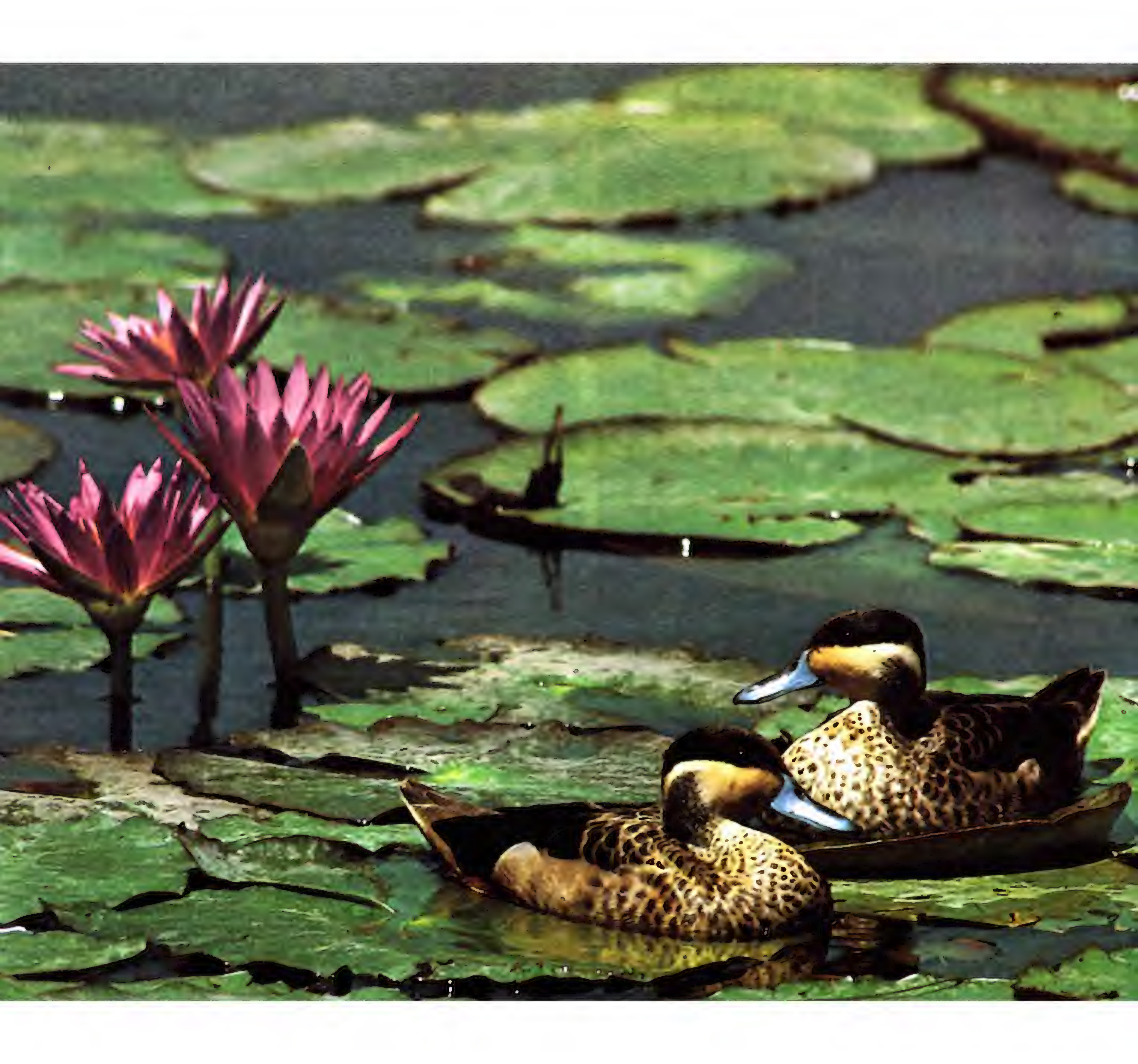

Чернеть

Исландский гоголь

Пятнистые чирки и крохали

Крохали питаются в основном рыбой. Их длинные узкие клювы с зазубренными краями прекрасно приспособлены для того, чтобы хватать и удерживать добычу. Они отлично ныряют и начинают плавать и нырять, едва появившись на свет. Насиживание у крохалей продолжается 25—32 дня, и в выводке бывает от 8 до 10 птенцов. Хотя большинство крохалей гнездится на пресных водоемах, некоторые почти все время живут на морских побережьях. Охотники презрительно называют их «дрянными утками» и не интересуются ими, потому что — к счастью для крохалей — рыбная диета придает их мясу неприятный привкус. В дальнем родстве с ними состоит пятнистый чирок (вверху), который относится к самым мелким уткам, но летает в этом семействе, пожалуй, лучше всех.

Крохали, вроде самки длинноносого крохаля (слева) и американского крохаля (внизу), принадлежат к самым «немногословным» птицам и обходятся лишь несколькими криками. Почти все они обитают в холодных или умеренных климатических зонах северного полушария. Американские крохали предпочитают гнездиться на деревьях или на обрывах.

Гуси и лебеди

Стая летящих лебедей — это редкостное по красоте зрелище. Величавые птицы плывут в воздухе, безупречно сочетая изящество с мощью. Установлено, что скорость их достигает 65—80 километров в час; известен случай, когда американский лебедь на высоте без малого двух километров столкнулся с самолетом и самолет был вынужден совершить посадку.

Лебеди столь же величавы на воде, и нетрудно понять, почему люди издавна почитали их как символ чистоты и благородства. Шестьсот с лишним лет назад лебедь-шипун был объявлен в Англии королевской птицей, и в настоящее время короне принадлежит около 18 тысяч лебедей. Однако уважение человека к лебедям нельзя назвать взаимным — лебеди набрасываются на любого человека, вторгшегося на их гнездовую территорию. Агрессивные, задиристые, они не терпят там присутствия и других лебедей, кроме своего брачного партнера и птенцов, так что при обычных обстоятельствах одна пара занимает какой-нибудь пруд или участок реки всю свою жизнь, длящуюся 30—40 лет.

В древности лебедям приписывался голос необыкновенной красоты, и, по поверью, они в час смерти пели чудесную песню, полную неизъяснимой тоски. Поэты и композиторы на протяжении веков вновь и вновь возвращались к этой сказке. Но, к сожалению, лебеди не поют — и не только перед смертью. Они шипят, трубят, а когда ухаживают за птенцами, лают по-собачьи. Кроме того, хотя в большинстве лебеди действительно носят белое оперение (символ чистоты, по мнению поэтов и миротворцев), существуют черные лебеди в Австралии и черношейные в Южной Америке.

Восхищение, которое внушали человеку эти большие птицы, не мешало ему усердно истреблять лебедей как ради их мяса, до недавнего времени считавшегося деликатесом, так и ради их шкурок с белоснежным оперением. В былые времена датские короли с началом линьки у лебедей устраивали лебединые охоты — потеряв маховые перья, птицы не могли улететь, и августейшие охотники били их в свое удовольствие. В Северной Америке коммерческая добыча лебединых шкурок чуть было не привела к полному исчезновению лебедя-трубача — крупнейшей из водоплавающих птиц. В 1933 году в США их насчитывалось всего 66 особей. С тех пор благодаря строжайшим законам об их охране и созданию в штате Монтана заказника Ред-Рок-Лейкс численность трубачей быстро увеличивалась, и в 1971 году их было зарегистрировано около пяти тысяч пар. Молодые трубачи обычно образуют пары в возрасте трех лет и, как правило, на всю жизнь, а два года спустя после очень своеобразного ритуала ухаживания начинают выводить птенцов. Гнезда у них большие, почти полтора метра в поперечнике. Самка откладывает от трех до семи яиц, и насиживание длится примерно семь недель. Самец помогает охранять выводок, и в возрасте двух месяцев лебедята поднимаются на крыло. К октябрю семья уже готова к перелету — из Аляски или Канады на юг, в Неваду, Монтану или Южную Дакоту. Лебеди-трубачи обычно ищут корм в воде, нередко, как утки, принимая вертикальную позу головой вниз, однако иногда они, подобно гусям, выходят на сушу щипать злаковые и другие растения. Если при приближении опасности они почему-либо не могут взлететь, то, словно утки, ныряют и плывут под водой. Во время сна они загибают свои длинные шеи к хвосту (у лебедей насчитывается 22—25 шейных позвонков, тогда как у гусей их меньше 20) и уютно прячут кончик клюва под крыло.

Относящиеся к семейству утиных 14 видов гусей являются соединительным звеном между лебедями, которые крупнее их, и утками, уступающими им в величине. Шеи у гусей длинные, как у лебедей, а ноги относительно высокие, и они постоянно кормятся на суше. Окраска самцов и самок одинакова. Как лебеди и утки, гуси тоже линяют раз в году, теряя перья, а с ними и способность летать, пока не отрастут новые. Как утки, они, кормясь в воде, принимают вертикальную позу головой вниз. В отличие от некоторых лебедей трахеи у гусей простые, а не закрученные.

Все гуси — ревниво территориальные птицы и с полным бесстрашием, особенно в гнездовой период, бросаются на непрошеных пришельцев. Лет полтораста назад Одюбон писал о гусаке, который, когда он приблизился к гнезду, накинулся на него с такой яростью, что чуть было не перебил ему руку.

Канадские казарки, мастера дальних перелетов, отправляются в путь большими косяками, путешествуя со скоростью свыше 65 километров в час. Они зимуют и на Атлантическом побережье США, и в Калифорнии, и в Мексике, в шести с половиной тысячах километров от своих гнездовий. У чемпиона полета среди гусей, горного гуся, чью голову украшают две поперечные полосы, площадь крыла заметно больше, чем у остальных гусей. Этих крупных уроженцев Центральной Азии не раз видели над гималайскими перевалами, где они летели на высоте около шести километров Горные гуси обычно гнездятся плотными колониями в открытой местности на высоте до пяти километров. Наиболее распространен в Европе и Азии серый гусь, предок всех домашних гусей, кроме выведенных в Китае. Этот гусь питается в основном травой, клубнями, желудями и злаками. В некоторых областях Европы гусей интенсивно кормят зерном, чтобы у них увеличилась печень, идущая на знаменитые паштеты.

Лебедь-шипун

Косяк белых гусей

Возвещая о своем прибытии громким гоготом, сотни белых гусей (слева) затемняют небо во время перелета с гнездовий на арктическом побережье Аляски и Канады на зимние квартиры, которые простираются на юг до Мексиканского залива, отдаленного от их родины почти на 5 тысяч километров. Существуют две формы белых гусей: белый северный гусь, самый распространенный из североамериканских гусей, и сильно уступающий ему в численности голубой атлантический гусь. Эти птицы удивительно похожи на лебедей, но отличаются от них черными кончиками крыльев и относительно короткими шеями. В отличие от голубых гусей шумные и неуживчивые египетские гуси (внизу) путешествуют в одиночку. Эти обитатели Центральной и Южной Африки собираются вместе только во время линьки, но и тогда небольшими группами.

Летящие клинья

Отправляясь за несколько километров на кормежку, гуси, как и все водоплавающие птицы, летят довольно беспорядочной стаей. Но когда они пускаются в дальний путь на зимние квартиры, подобно перелетным канадским казаркам (вверху) или голубым гусям (справа), они летят косяками, правильными и точно очерченными, словно шевроны. Такой строй дает каждой птице достаточно места для работы крыльями, размах которых достигает полутора метров, и позволяет смотреть вперед почти без помех. Косяк, который обычно возглавляет гусыня, летит днем и ночью, лишь ненадолго опускаясь на землю, чтобы отдохнуть и покормиться. Во время этих привалов несколько птиц несут дозор, пока остальные кормятся. Стоит одному из часовых издать предостерегающий крик, и вся стая немедленно настораживается, готовая улететь, если враг попытается подойти ближе

Ухаживание канадской казарки

Альбом Джона Джеймса Одюбона (1785—1851) «Птицы Америки» с великолепными раскрашенными от руки гравюрами и сопроводительный текст к ним «Орнитологические биографии», вышедшие в свет в 1839 году, ознаменовали целый этап в изучении птиц и принесли художнику-орнитологу всемирное признание. Для создания этих удивительно верных портретов и объяснений к ним потребовалось двенадцать лет (1827—1839). Здесь приводятся сделанные Одюбоном описание ритуала ухаживания у канадской казарки и изображение этой замечательной птицы.

Очень забавно наблюдать во всех подробностях, как гусак канадской казарки ухаживает за своей возлюбленной. И, хотя он не расхаживает перед ней с чванливой важностью индюка или с изяществом голубя, поверь, любезный читатель, его манеры не менее угождают его избраннице. Я так и вижу перед собой гусака, вышедшего победителем из получасового поединка с соперником. Он учтиво приближается к предмету их спора, держа голову у самой земли. Клюв его разинут во всю ширь, толстый язык приподнят, глаза мечут гордые взгляды, он громко шипит, а его перья топорщатся и шуршат от обуревающих его чувств. Вот он приблизился к той, кто является в его глазах чудом прелести, его шея непрерывно изгибается, он обходит вокруг своей красавицы, иногда чуть ее касаясь; она поздравляет его с победой и принимает его любовь, и их шеи изгибаются и извиваются в десятках прихотливых движений. В эту минуту бешеная ревность понуждает отогнанного гусака на новую попытку; он выступает вперед, его глаза горят огнем ярости; он хлопает широкими крыльями, взъерошивает все перья и, устремляясь на врага, шипит с неимоверной злобой. Вся стая, словно пораженная изумлением, собирается вокруг них, чтобы следить за схваткой. Надменный победитель, ласкающий подругу, словно бы не замечает своего врага и только бросает на него презрительный взгляд. Но униженный соперник выпрямляется, полураскрывает сильные крылья и мощным ударом объявляет о своем намерении. Снести подобное оскорбление в присутствии столь большого общества невозможно, да и при любых обстоятельствах никакой гусак его не спустит — следует энергичный ответный удар, нападающий пошатывается, но вскоре вновь собирается с силами, и поединок возобновляется. Будь оружие более смертоносным, бойцы могли бы потягаться с самыми славными рыцарями, однако и так выпады и удары следуют один за другим — словно дюжие кузнецы стучат молотами. Но вот прежний победитель зажимает в клюве голову противника — никакой бульдог не держит жертву с большим упорством. Он что есть мочи сдавливает голову злополучного врага, бьет его могучими крыльями и в конце концов прогоняет прочь, а затем, распушив перья, радостно бежит к своей подруге и оглашает воздух торжествующими криками.

Семейная флотилия

Лебедей легко отличить от гусей по изящным шеям, которые у них нередко бывают длиннее туловища. Обитающий в Европе и Азии лебедь-шипун (внизу, среди белоснежных перьев которого уютно устроился лебеденок) и его близкий родственник австралийский черный лебедь (справа внизу) обычно держат шеи изогнутыми как латинская буква S, и их клювы обращены вниз. Североамериканский лебедь-трубач (справа вверху), самый крупный и самый редкий из лебедей, обычно держит длинную шею вертикально, и клюв его направлен прямо вперед. Меняя позу, трубачи сообщают другим членам стаи о своем намерении взлететь — сигнал очень важный, так как этим крупным птицам требуется для взлета много места. Шипун, а также черный лебедь возвещают о том, что сейчас взлетят, поднимая шею, прижимая перья к телу и поворачиваясь против ветра. Лебедь-трубач, кроме того, быстро мотает головой из стороны в сторону и испускает свой великолепный трубный клич.

Образовав пару, лебеди остаются вместе до конца жизни. Оба члена пары вместе сооружают гнездо, вместе оберегают и насиживают кладку, а также делят все заботы о птенцах. Плавая, лебедь-шипун (на предыдущей странице) часто возит птенца на спине, особенно в первую неделю, пока лебеденок слаб и беззащитен. Все птенцы водоплавающих птиц, как, например, этот черный лебеденок (слева), начинают плавать и отыскивать корм сразу же после появления на свет, и в первые месяцы жизни питаются водными насекомыми и растениями. Лебединые семейства, вроде лебедей-трубачей вверху, остаются вместе примерно девять месяцев, до начала следующего брачного периода, а тогда выросшие птенцы бывают вынуждены покинуть родителей и проводят лето с другими неполовозрелыми лебедями.

Предметно-именной указатель

Литература

Alexander W. B. Birds of the Ocean. Putnam, 1963.
Audubon J. J. Ornithological Biography. Edinburgh, 1831—1839.
Audubon M. Audubon and his Journals. Dover, 1960.
Austin O. Birds of the World. Golden Press, 1961.

Beebe W. Nonsuch: Land of Water. National Travel Club, 1932.
Bent A. C. Life Histories of North American Shore Birds. Peter Smith, 1962.
Brown L., Amadon D. Eagles, Hawks and Falcons of the World (2 vols.). McGraw-Hill, 1968.
Bruun B. Birds of Europe. McGraw-Hill, 1971.

Delacour J. The Waterfowl of the World (4 vols.). Arco, 1974.

Fisher J., Lockle, R. M. Seabirds. Houghton Mifflin, 1954.
Fisher J., Peterson R. T. The World of Birds. MacDonald, 1964.

Gooders J. The Great Book of Birds. Dial Press, 1975.
Grzimek B. Grzimek's Animal Life Encyclopedia (vols. 7 and 8). Van Nostrand Reinhold, 1972.

Hochbaum H. A. Travels and Traditions of Waterfowl. University of Minnesota Press, 1956.
Huxley J. Essays of a Biologist. Chatto and Windus, 1926.

Johnsgard P. A Waterfowl. University of Nebraska Press, 1968.

Kortight F. H. Ducks, Geese and Swans of North America. Stackpole, 1942.

Murphy R. C. Oceanic Birds of South America (2 vols.). American Museum of Natural History, 1936.

Питерсон Р. Птицы. — М.: «Мир», 1973.

Peterson R. T. The Bird Watchers Anthology. Harcourt, Brace, 1957.

Saunders D. Sea Birds. Grosset and Dunlap, 1973.
Scott P., the Wildlife Trust. The Swans. Houghton Mifflin, 1972.
Short L. L. Birds of the World. Ridge Press, 1975.
Stokes T. Birds of the Atlantic Ocean. Country Life Books, 1968.
Stonehouse B. Penguins. Arthur Baker, 1968.
Stout G. (ed.), text by *P. Matthiessen.* Shorebirds of North America Viking, 1967.

Тинберген Н. Мир серебристой чайки. — М.: «Мир», 1974.

Vaucher Ch. Sea Birds Oliver and Boyd, 1960.
Watson G. C. Sea Birds of the Tropical Atlantic Ocean Random House, 1966.
Welty J. C. The Life of Birds. Knopf, 1963.
Wetmore A. (ed.). Water, Prey and Game Birds of North America. National Geographic Society, 1965.
Williamson K. The Atlantic Island. Routledge and Kegan Paul, 1970.
Wilson E. Birds of the Antarctic. Humanities Press, 1967.

Уилл Брэдбери

ПТИЦЫ МОРЕЙ, ПОБЕРЕЖИЙ И РЕК

Научный редактор Р. В. Дубровская

Мл. научный редактор Л. И. Леонова

Художник А. В. Шипов

Художественный редактор Л. Е. Безрученков

Технический редактор Г. Б. Алюлина

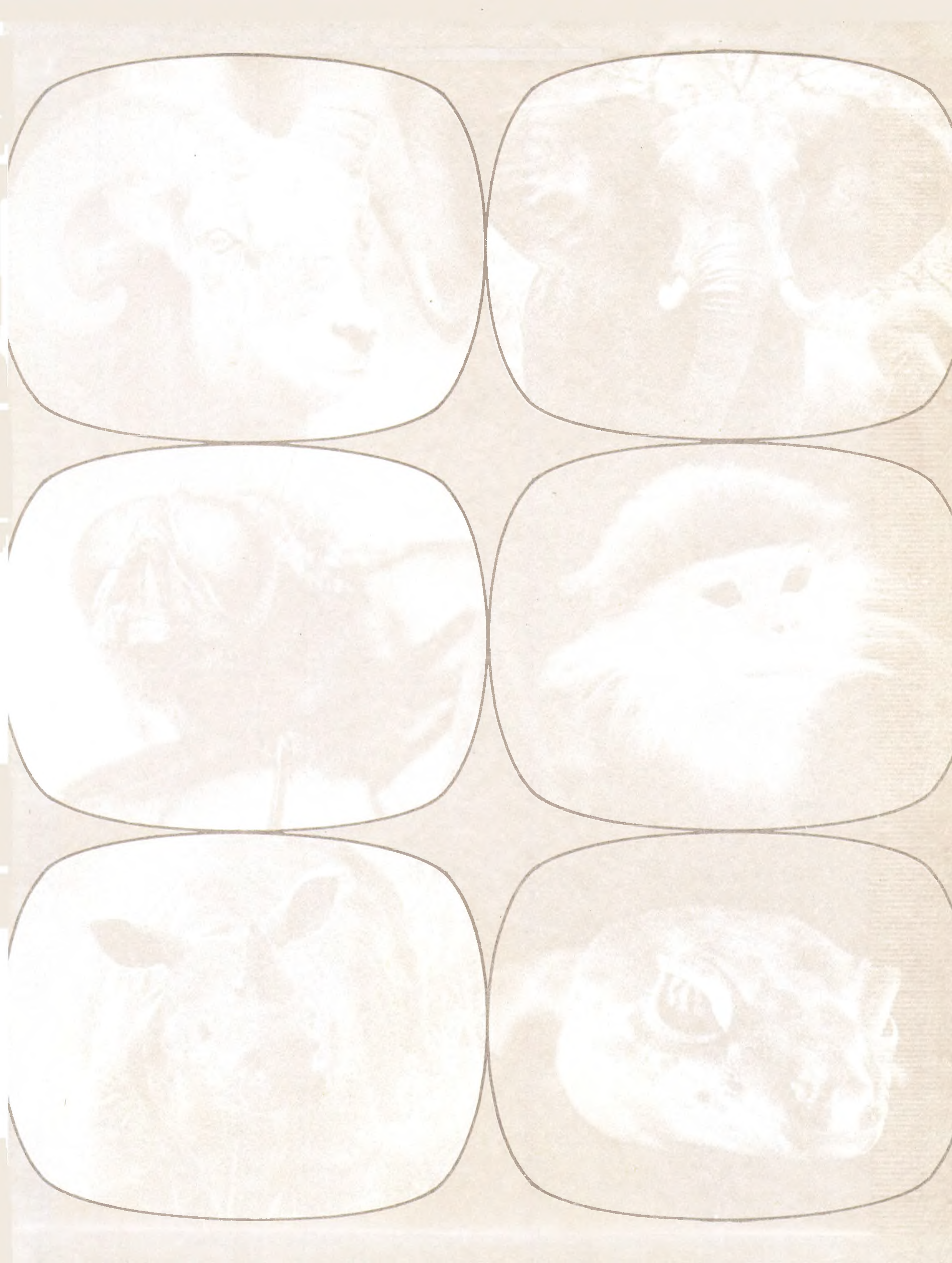
Корректор В. И. Постнова

ИБ № 3659

Сдано в набор 08.07.82. Подписано к печати 03.02.83. Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1. Гарнитуры таймс, плентин. Печать офсетная Объем 4 бум. л. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 55,75. Уч.-изд л. 18,02. Изд. № 12/2103. Тираж 75 000 экз. Зак. 1312. Цена 3р. 40к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР», 129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

3 р. 40 коп.